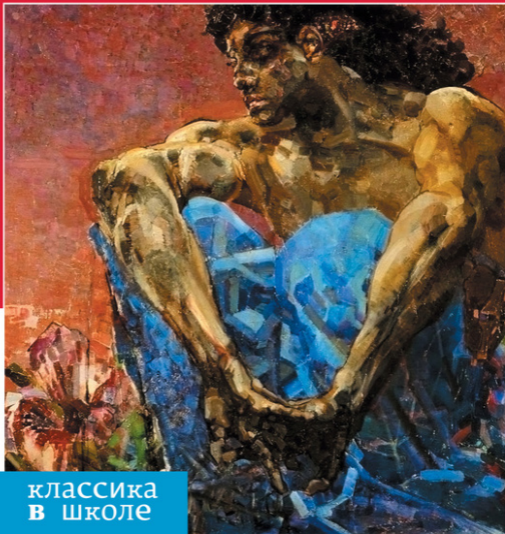


Михаил
Лермонтов

Выхожу один я
на дорогу...



КЛАССИКА
В ШКОЛЕ

Михаил Юрьевич Лермонтов

Выхожу один я на дорогу... (сборник)

Перед вами книга из серии «Классика в школе», в которой собраны все произведения, изучающиеся в начальной и средней школе, а также в старших классах. Не тратьте время на поиски литературных произведений, ведь в этих книгах есть все, что необходимо прочесть по школьной программе: и для чтения в классе, и для внеклассных заданий. Избавьте своего ребенка от длительных поисков и невыполненных уроков.

В книгу включены стихотворения и поэмы М. Ю. Лермонтова, которые изучают в средней школе и старших классах.

Содержание

Стихотворения 1828–1836 гг.	0008
Поэт	0008
К гению	0009
Мой демон	0012
К***	0013
Монолог	0013
Баллада	0014
Молитва	0016
«Один среди людского шума...»	0017
Кавказ	0018
Опасение	0019
Вечер после дождя	0020
Наполеон (Дума)	0021
Стансы	0024
Предсказание	0025
Нищий	0027
К...	0028
Стансы	0028
Ночь	0029
Русская песня	0031
Завещание	0032
К***	0033
Желание	0035
Св. Елена	0036
«Блистая пробегает облака...»	0037

Исповедь	0039
Чаша жизни	0040
Небо и звезды	0041
«Когда б в покорности незнанья...»	0042
Ангел	0043
«Как дух отчаянья и зла...»	0044
Звезда	0044
«Я видел раз ее в веселом вихре бала...»	0045
Сон	0046
Мой демон	0047
«Люблю я цепи синих гор...»	0049
«Я счастлив! — тайный яд течет в моей крови...»	0051
К*	0052
Альбом Н. Ф. Ивановой	0054
Альбом Д. Ф. Ивановой	0054
«Нет, я не Байрон, я другой...»	0055
«Я жить хочу! хочу печали...»	0056
Желанье	0057
К*	0058
К*	0059
Два великана	0060
К*	0061
«Безумец я! Вы правы, правы!...»	0062
Парус	0063
Тростник	0064
Русалка	0066
Бородино	0068

Смерть поэта	0072
Ветка палестины	0076
Узник	0078
«Когда волнуется желтеющая нива...»	0079
Молитва	0080
«Расстались мы; но твой портрет...»	0081
Кинжал	0082
«Гляжу на будущность с боязнью...»	0083
«Как небеса, твой взор блистает...»	0084
«Она поет — и звуки тают...»	0085
Дума	0085
Поэт	0088
Три пальмы (Восточное сказание)	0091
Молитва	0095
Памяти А. И. Одоевского	0096
1-е января	0100
И скучно и грустно	0102
«Есть речи — значенье...»	0103
Воздушный корабль (Из Зейдлица)	0104
Пленный рыцарь	0107
Тучи	0108
Валерик	0109
Завещание	0119
Родина	0121
«На севере диком стоит одиноко...»	0122
«Прощай, немытая Россия...»	0123
Утес	0123
Сон	0124

Листок	0125
«Выхожу один я на дорогу...»	0127
Благодарность	0128
Морская царица	0129
Пророк	0131
«Нет, не тебя так пылко я люблю...»	0132
Поэмы	0134
Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова	0134
Демон Восточная повесть	0161
Мцыри	0206
Ашик-Кериб Турецкая сказка	0235

Михаил Лермонтов
ВЫХОЖУ ОДИН Я НА
ДОРОГУ...
(сборник)

Стихотворения 1828–1836 гг.

Поэт

*Когда Рафаэль вдохновенный
Пречистой Девы лик священный
Живою кистью окончал,
Своим искусством восхищенный
Он пред картиною упал!
Но скоро сей порыв чудесный
Слабел в груди его молодой,
И утомленный и немой,
Он забывал огонь небесный.
Таков поэт: чуть мысль блеснет,
Как он пером своим прольет
Всю душу; звуком громкой лиры
Чарует свет, и в тишине
Поет, забывшись в райском сне,
Вас, вас! души его кумиры!
И вдруг хладеет жар ланит,
Его сердечные волненья
Все тише, и призрак бежит!
Но долго, долго ум хранит
Первоначальны впечатленья.*

К гению

Когда во тьме ночей мой, не смы-
каясь, взор
Без цели бродит вокруг, прошедших
дней укор
Когда зовет меня, невольно, к
вспоминанью:
Какому тяжкому я предаюсь
мечтанью!..
О сколько вдруг толпой теснится
в грудь мою
И теней и любви свидетелей!..
Люблю!
Твержу забывшись им. Но полный
весь тоскою,
Неверной девы лик мелькает пре-
до мною...
Так, счастье ведал я, и сладкий
миг исчез,
Как гаснет блеск звезды падучей
среди небес!
Но я тебя молю, мой неизменный
Гений:
Дай раз еще любить! дай жаром
вдохновений
Согреться миг один, последний, и

тогда
Пушкой остынет пыл сердечный
навсегда.
Но прежде там, где вы, души мо-
ей царицы,
Промчится звук моей задумчивой
цевницы!
Молю тебя, молю, хранитель
мой святой,
Над яблоней мой тирс и с лирой
золотой
Повесь и начерти: здесь жили
вдохновенья!
Певец, знавал любви живые упое-
нья...
...И я приду сюда, и не узнаю вас,
О струны звонкие!.....

.....
.....
Но ты забыла, друг! когда порой
ночной
Мы на балконе там сидели. Как
немой,
Смотрел я на тебя с обычною пе-
чалью.
Не помнишь ты тот миг, как я,
под длинной шалью
Сокрывши, голову на грудь твою

склонял —

И был ответом вздох, твою я руку жал —

И был ответом взгляд и страстный и стыдливый!

И месяц был один свидетель молчаливый

Последних и невинных радостей моих!..

Их пламень на груди моей давно затих!..

Но, милая, зачем, как год прошел разлуки,

Как я почти забыл и радости и муки,

Желаешь ты опять привлечь меня к себе?..

Забудь любовь мою! покорна будь судьбе!

Кляни мой взор, кляни моих восторгов сладость!..

Забудь!.. пускай другой твою украсит младость!..

Ты ж, чистый житель тех неизмеримых стран,

Где стелется эфир, как вечный океан,

И совесть чистая с беспечностью

*драгою,
Хранители души, останьтесь век
со мною!
И будет мне луны любезен том-
ный свет,
Как смутный памятник прошед-
ших, милых лет!..*

Мой демон

*Собрание зол его стихия.
Носясь меж дымных облаков,
Он любит бури роковые,
И пену рек, и шум дубров.
Меж листьев желтых, облетев-
ших
Стоит его недвижимый трон;
На нем, среди ветров онемевших,
Сидит уныл и мрачен он.
Он недоверчивость вселяет,
Он презрел чистую любовь,
Он все моленья отвергает,
Он равнодушно видит кровь,
И звук высоких ощущений
Он давит голосом страстей,
И муза кротких вдохновений
Страшится неземных очей.*

К***

*Мы снова встретились с тобой...
Но как мы оба изменились!..
Года унылой чередой
От нас невидимо сокрылись.
Ищу в глазах твоих огня,
Ищу в душе своей волненья.
Ах! как тебя, так и меня
Убило жизни тяготенье!..*

Монолог

*Поверь, ничтожество есть благо
в здешнем свете.
К чему глубокие познания, жажда
славы,
Талант и пылкая любовь свободы,
Когда мы их употребить не мо-
жем?
Мы, дети севера, как здешние рас-
тенья,
Цветем недолго, быстро увяда-
ем...
Как солнце зимнее на сером небо-
склоне,
Так пасмурна жизнь наша. Так*

недолго
Ее однообразное течение...
И душно кажется на родине,
И сердцу тяжело, и душа тоску-
ет...
Не зная ни любви, ни дружбы
сладкой,
Средь бурь пустых томится
юность наша,
И быстро злобы яд ее мрачит,
И нам горька остылой жизни ча-
ша;
И уж ничто души не веселит.

Баллада

Над морем красавица-дева сидит;
И, к другу ласкаясь, так говорит:
«Достань ожерелье, спустился на
дно;
Сегодня в пучину упало оно!
Ты этим докажешь свою мне лю-
бовь!»
Вскипела лихая у юноши кровь,
И ум его обнял невольный недуг,
Он в пенную бездну кидается
вдруг.
Из бездны перловые брызги ле-

тят,
И волны теснятся, и мчатся на-
зад,
И снова приходят и о берег бьют,
Вот милого друга они принесут.
О счастье! он жив, он скалу ухва-
тил,
В руке ожерелье, но мрачен как
был.
Он верить боится усталым но-
гам,
И влажные кудри бегут по пле-
чам...
«Скажи, не люблю иль люблю я
тебя,
Для перлов прекрасной и жизнь не
щадя,
По слову спустился на черное дно,
В коралловом гроте лежало
оно. —
Возьми!» — и печальный он взор
устремил
На то, что дороже он жизни лю-
бил.
Ответ был: «О милый, о юноша
мой!
Достань, если любишь, коралл до-
рогой».

С душой безнадежной молодой уда-
лец
Прыгнул, чтоб найти иль коралл,
или конец.
Из бездны перловые брызги ле-
тят,
И волны теснятся, и мчатся на-
зад,
И снова приходят и о берег бьют,
Но милого друга они не несут.

Молитва

Не обвиняй меня, Всесильный,
И не карай меня, молю,
За то, что мрак земли могиль-
ный
С ее страстями я люблю;
За то, что редко в душу входит
Живых речей твоих струя;
За то, что в заблужденье бродит
Мой ум далеко от тебя;
За то, что лава вдохновенья
Клокочет на груди моей;
За то, что дикие волненья
Мрачат стекло моих очей;
За то, что мир земной мне тесен,
К тебе ж проникнуть я боюсь,

*И часто звуком грешных песен
Я, Боже, не тебе молюсь.
Но угаси сей чудный пламень,
Всесожигающий костер,
Преобрати мне сердце в камень,
Останови голодный взор;
От страшной жажды песнопенья
Пускай, Творец, освобожусь,
Тогда на тесный путь спасенья
К тебе я снова обращусь.*

«Один среди людского шума...»

*Один среди людского шума,
Взрос под сенью чуждой я,
И гордо творческая дума
На сердце зрела у меня.
И вот прошли мои мученья,
Нашлись пылкие друзья,
Но я, лишенный вдохновенья,
Скучал судьбою бытия.
И снова муки посетили
Мою воскреснувшую грудь,
Изменой душу заразили
И не давали отдохнуть.
Я вспомнил прежние несчастья,
Но не найду в душе моей
Ни честолюбья, ни участия,*

Ни слез, ни пламенных страстей.

Кавказ

*Хотя я судьбой на заре моих дней,
О южные горы, отторгнут от
вас,*

*Чтоб вечно их помнить, там на-
до быть раз:*

*Как сладкую песню отчизны мо-
ей,*

Люблю я Кавказ.

*В младенческих летах я мать по-
терял.*

*Но мнилось, что в розовый вечера
час*

*Та степь повторяла мне памят-
ный глас.*

*За это люблю я вершины тех
скал,*

Люблю я Кавказ.

*Я счастлив был с вами, ущелия
гор;*

*Пять лет пронеслось: все тоскую
по вас.*

*Там видел я пару божественных
глаз;*

И сердце лепечет, вспомя тот

взор:
Люблю я Кавказ!..

Опасение

Страшишься любви: она пройдет,
Она мечтой твой ум встревожит,
Тоска по ней тебя убьет,
Ничто воскреснуть не поможет.
Краса, любимая тобой,
Тебе отдаст, положим, руку...
Года мелькнут... летун седой
Укажет вечную разлуку...
И беден, жалок будешь ты,
Глядящий с кресел иль подушки
На безобразные черты
Твоей докучливой старушки,
Коль мысли о былых летах
В твой ум закрадутся порою
И вспомнишь, как на сих щеках
Играло жизнью молодою...
Без друга лучше дни влачить
И к смерти радостней клониться,
Чем два удара выносить
И сердцем о двоих крушиться!..

Вечер после дождя

Гляжу в окно: уж гаснет небо-
склон,
Прощальный луч на вышине ко-
лонн,
На куполах, на трубах и крестах
Блестит, горит в обманутых
очах;
И мрачных туч огнистые края
Рисуются на небе, как змея,
И ветерок, по саду пробежав,
Волнует стебли омоченных
трав...
Один меж них заметил я цве-
ток,
Как будто перл, покинувший во-
сток.
На нем вода блистаючи дрожит,
Главу свою склонивши, он стоит,
Как девушка в печали роковой:
Душа убита, радость над душой;
Хоть слезы льет из пламенных
очей,
Но помнит все о красоте своей.

Наполеон (Дума)

В неверный час, меж днем и тем-
нотой,
Когда туман синеет над водой,
В час грешных дум, видений, тайн
и дел,
Которых луч узреть бы не хотел,
А тьма укрыть, чья тень, чей об-
раз там,
На берегу, склонивши взор к вол-
нам,
Стоит вблизи нагбенного кре-
ста?
Он не живой. Но также не мечта:
Сей острый взгляд с возвышен-
ным челом
И две руки, сложенные крестом.
Пред ним лепечут волны и бегут,
И вновь приходят, и о скалы
бьют;
Как легкие ветрилы, облака
Над морем носятся издалека.
И вот глядит неведомая тень
На тот восток, где новый брез-
жит день;

Там Франция! — там край ее родной

И славы след, быть может скрытый мглой;

Там, средь войны, ее неслися дни...

О! для чего так кончились они!..

Прости, о слава! обманувший друг.

Опасный ты, но чудный, мощный звук;

И скиптр... о вас забыл Наполеон;

Хотя давно умерший, любит он

Сей малый остров, брошенный в морях,

Где сгнил его и червем съеден прах,

Где он страдал, покинут от друзей,

Презрев судьбу с гордыней прежних дней,

Где ставивал он на берегу морском,
Как ныне грустен, руки сжав крестом.

О! как в лице его еще видны

Следы забот и внутренней войны,

И быстрый взор, дивящийся слабый ум,

Хоть чужд страстей, все полон

прежних дум;
Сей взор как трепет в сердце про-
никал,
И тайные желанья узнавал,
Он тот же все; и той же шляпой
он,
Сопутницею жизни, осенен.
Но — посмотри — уж день блес-
нул в струях...
Призрака нет, все пусто на ска-
лах.
Нередко внемлет житель сих бре-
гов
Чудесные рассказы рыбаков.
Когда гроза бунтует и шумит,
И блещет молния, и гром гре-
мит,
Мгновенный луч нередко озарял
Печальну тень, стоящую меж
скал.
Один пловец, как не был страх ве-
лик,
Мог различить недвижный смуг-
лый лик,
Под шляпою, с нахмуренным че-
лом,
И две руки, сложенные крестом.

Стансы

*Я не крушуся о былом,
Оно меня не усладило.
Мне нечего запомнить в нем,
Чего б тоской не отравило!*

*Как настоящее, оно
Страстями чудными облито
И вьюгой зла занесено,
Как снегом крест в степи забы-
тый!*

*Ответа на любовь мою
Напрасно жаждал я душою.
И если о любви пою —
Она была моей мечтою.*

*Я к одиночеству привык,
Я б не умел ужиться с другом;
Я б с ним препровожденный миг
Почел потерянным досугом.*

*Мне кручно в день, мне скучно в
ночь.
Надежды нету в утешенье;
Она навек умчалась прочь,*

Как жизни каждое мгновенье.

*На светлый запад удалюсь,
Вид моря грусть мою рассеет.
Ни с кем в отчизне не прощусь —
Никто о мне не пожалеет!..*

*Быть может, будет мне о ком
Тогда вздохнуть, — и Провиденье
Заплатит мне спокойным днем
За долгое мое мученье.*

Предсказание

*Настанет год, России черный год,
Когда царей корона упадет;
Забудет чернь к ним прежнюю
любовь,
И пища многих будет смерть и
кровь;*

*Когда детей, когда невинных жен
Низвергнутый не защитит закон;
Когда чума от смрадных, мерт-
вых тел
Начнет бродить среди печальных
сел,
Чтобы платком из хижин вызы-*

вать,
И станет глад сей бедный край
терзать;
И зарево окрасит волны рек:
В тот день явится мощный человек,
И ты его узнаешь — и поймешь,
Зачем в руке его булатный нож:
И горе для тебя! — твой плач,
твой стон
Ему тогда покажется смешон;
И будет все ужасно, мрачно в
нем,
Как плащ его с возвышенным чело-
лом.

Нищий

*У врат обители святой
Стоял просящий подаянья
Бедняк иссохший, чуть живой
От глада, жажды и страданья.
Куска лишь хлеба он просил,
И взор являл живую муку,
И кто-то камень положил
В его протянутую руку.
Так я молил твоей любви
С слезами горькими, с тоскою;
Так чувства лучшие мои
Обмануты навек тобою!*

К...

*Не говори: я трус, глупец!..
О! если так меня терзало
Сей жизни мрачное начало,
Какой же должен быть конец?.*

Стансы

I. «Взгляни, как мой спокоен взор...»

*Взгляни, как мой спокоен взор,
Хотя звезда судьбы моей
Померкнула с давнишних пор
И с нею думы светлых дней.
Слеза, которая не раз
Рвалась блеснуть перед тобой,
Уж не придет, как этот час,
На смех подосланный судьбой.*

II. «Смеялась надо мною ты...»

*Смеялась надо мною ты,
И я презреньем отвечал —
С тех пор сердечной пустоты
Я уж ничем не заменял.
Ничто не сблизит больше нас,
Ничто мне не отдаст покой...*

*Хоть в сердце шепчет чудный
глас:*

Я не могу любить другой.

III. «Я жертвовал другим страстям...»

*Я жертвовал другим страстям,
Но если первые мечты
Служить не могут снова нам, —
То чем же их заменишь ты?..
Чем успокоишь жизнь мою,
Когда уж обратила в прах
Мои надежды в сем краю,
А может быть, и в небесах?..*

Ночь

*Один я в тишине ночной;
Свеча сгоревшая трещит,
Перо в тетрадке записной
Головку женскую чертит;
Воспоминанье о былом,
Как тень, в кровавой пелене,
Спешит указывать перстом
На то, что было мило мне.
Слова, которые могли
Меня тревожить в те года,
Пылают предо мной вдали,
Хоть мной забыты навсегда.*

И там скелеты прошлых лет
Стоят унылою толпой;
Меж ними есть один скелет —
Он обладал моей душой.
Как мог я не любить тот взор?
Презренья женского кинжал
Меня пронзил... но нет — с тех
пор
Я все любил — я все страдал.
Сей взор невыносимый, он
Бежит за мною, как призрак;
И я до гроба осужден
Другого не любить никак.
О! я завидую другим!
В кругу семейственном, в тиши,
Смеяться просто можно им
И веселиться от души.
Мой смех тяжел мне как свинец:
Он плод сердечной пустоты...
О Боже! вот что, наконец,
Я вижу, мне готовил ты.
Возможно ль! первую любовь
Такою горечью облить;
Притворством взволновав мне
кровь,
Хотеть насмешкой остудить?
Желал я на другой предмет
Излить огонь страстей своих.

*Но память, слезы первых лет!
Кто устоит противу них?*

Русская песня

*Клоками белый снег валится,
Что ж дева красная боится
С крыльца сойти,
Воды снести?
Как поп, когда он гроб несет,
Так песнь метелица поет,
Играет,
И у тесовых у ворот
Дворовый пес все цепь грызет
И лает...*

*Но не собаки лай печальный,
Не вой метели погребальный
Рождают страх
В ее глазах:
Недавно милый схоронен,
Бледней снегов предстанет он
И скажет:
«Ты изменила», — ей в лицо,
И ей заветное кольцо
Покажет!..*

Завещание

*Есть место: близ тропы глухой,
В лесу пустынном средь поляны,
Где вьются вечером туманы,
Осеребренные луной...
Мой друг! ты знаешь ту поляну;
Там труп мой хладный ты зарой,
Когда дышать я перестану!*

*Могиле той не откажи
Ни в чем, следуя закону;
Поставь над нею крест из клену
И дикий камень положи;
Когда гроза тот лес встревожит,
Мой крест пришельца привлечет;
И добрый человек, быть может,
На диком камне отдохнет.*

Всевышний произнес свой приговор,
Его ничто не переменит;
Меж нами руку мести он простер
И беспристрастно все оценит.
Он знает, и ему лишь можно
знать,
Как нежно, пламенно любил я,
Как безответно все, что мог от-
дать,
Тебе на жертву приносил я.
Во зло употребила ты права,
Приобретенные над мною,
И мне, польстив любовью сперва,
Ты изменила — Бог с тобою!
О нет! я б не решился прокля-
нуть!
Все для меня в тебе святое:
Волшебные глаза и эта грудь,
Где бьется сердце молодое.
Я помню, сорвал я обманом раз
Цветок, хранивший яд страда-
нья, —
С невинных уст твоих в прощаль-
ный час

Непринужденное лобзанье;
Я знал: то не любовь — и перенес;
Но отгадать не мог я тоже,
Что всех моих надежд, и мук, и
слез

Веселый миг тебе дороже!
Будь счастлива несчастьем мо-
им,

И, услышав, что я страдаю,
Ты не томись раскаяньем пу-
стым.

Прости! — вот все, что я же-
лаю...

Чем заслужил я, чтоб твоих очей
Затмился свежий блеск слезами?
Ко смеху приучать себя нужней:
Ведь жизнь смеется же над нами!

Желание

Зачем я не птица, не ворон степ-
ной,
Пролетевший сейчас надо мной?
Зачем не могу в небесах я парить
И одну лишь свободу любить?
На запад, на запад помчался бы я,
Где цветут моих предков поля,
Где в замке пустом, на туманных
горах,
Их забвенный покоится прах.
На древней стене их наследствен-
ный щит
И заржавленный меч их висит.
Я стал бы летать над мечом и
щитом
И смахнул бы я пыль с них кры-
лом;
И арфы шотландской струну бы
задел,
И по сводам бы звук полетел;
Внимаем одним, и одним пробуж-
ден,
Как раздался, так смолкнул бы
он.
Но тщетны мечты, бесполезны

мольбы
Против строгих законов судьбы.
Меж мной и холмами отчизны
моей
Расстилаются волны морей.
Последний потомок отважных
бойцов
Увядает средь чуждых снегов;
Я здесь был рожден, но нездешний
душой...
О! Зачем я не ворон степной?..

Св. Елена

Почтим приветом остров одино-
кой,
Где часто, в думу погружен,
На берегу о Франции далекой
Вспоминал Наполеон!
Сын моря, средь морей твоя моги-
ла!
Вот мщение за муки стольких
дней!
Порочная страна не заслужила,
Чтобы великий жизнь окончил в
ней.
Изгнанник мрачный, жертва ве-
роломства —

*И рока прихоти слепой,
Погиб, как жил — без предков и
потомства
Хоть побежденный, но герой!
Родился он игрой судьбы случай-
ной
И пролетел, как буря, мимо нас;
Он миру чужд был. Все в нем было
тайной,
День возвышенья — и паденья час!*

«Блистая пробегают облака...»

*Блистая пробегают облака
По голубому небу. Холм крутой
Осенним солнцем озарен. Река
Бежит внизу по камням с быст-
ротой.
И на холме пришелец молодой,
Завернут в плащ, недвижимо си-
дит
Под старую березой. Он молчит,
Но грудь его подымлетя порой;
Но бледный лик меняет часто
цвет;
Чего он ищет здесь? — спокой-
ствия? — о нет!*

Он смотрит вдаль: тут лес пестреет, там
Поля и степи, там встречается
взгляд
Опять дубраву или по кустам
Рассеянные сосны. Мир, как сад,
Цветет, надев могильный свой
наряд:
Поблекнувшие листья; жалок
мир!
В нем каждый средь толпы забыт и сир;
И люди все к ничтожеству спешат, —
Но, хоть природа презирает их,
Любимцы есть у ней, как у царей
других.

И тот, на ком лежит ее печать,
Пускай не ропщет на судьбу свою,
Чтобы никто, никто не смел сказать,
Что у груди своей она змею
Согрела. «О! когда б одно люблю
Из уст прекрасной мог подслушать я,
Тогда бы люди, даже жизнь моя
В однообразном северном краю,

*Все б в новый блеск оделось!» —
так мечтал
Беспечный... но просить он неба не
желал!*

Исповедь

*Я верю, обещаю верить,
Хоть сам того не испытал,
Что мог монах не лицемерить
И жить, как клятвой обещал;
Что поцелуи и улыбки
Людей коварны не всегда,
Что ближних малые ошибки
Они прощают иногда,
Что время лечит от страданья,
Что мир для счастья сотворен,
Что добродетель не названье
И жизнь поболее, чем сон!..*

*Но вере теплой опыт хладный
Противуречит каждый миг,
И ум, как прежде безотрадный,
Желанной цели не достиг;
И сердце, полно сожалений,
Хранит в себе глубокий след
Умерших, но святых видений —
И тени чувств, каких уж нет;*

*Его ничто не испугает,
И то, что было б яд другим,
Его живет, его питает
Огнем язвительным своим.*

Чаша жизни

*Мы пьем из чаши бытия
С закрытыми очами,
Златые омочив края
Своими же слезами;*

*Когда же перед смертью с глаз
Завязка упадает,
И все, что обольщало нас,
С завязкой исчезает;*

*Тогда мы видим, что пуста
Была золотая чаша,
Что в ней напиток был — мечта,
И что она — не наша!*

Небо и звезды

*Чисто вечернее небо,
Ясны далекие звезды,
Ясны, как счастье ребенка;
О! для чего мне нельзя и поду-
мать:
Звезды, вы ясны, как счастье мое!
Чем ты несчастлив? —
Скажут мне люди.
Тем я несчастлив,
Добрые люди, что звезды и небо —
Звезды и небо! — а я человек!..
Люди друг к другу
Зависть питают;
Я же, напротив,
Только завидую звездам прекрас-
ным,
Только их место занять бы хо-
тел.*

«Когда б в покорности незнания...»

*Когда б в покорности незнания
Нас жить создатель осудил,
Неисполнимые желанья
Он в нашу душу б не вложил,
Он не позволил бы стремиться
К тому, что не должно свер-
шиться,
Он не позволил бы искать
В себе и в мире совершенства,
Когда б нам полного блаженства
Не должно вечно было знать.*

*Но чувство есть у нас святое,
Надежда, бог грядущих дней, —
Она в душе, где все земное,
Живет наперекор страстей;
Она залог, что есть поныне
На небе иль в другой пустыне
Такое место, где любовь
Предстанет нам, как ангел неж-
ный,
И где тоски ее мятежной
Душа узнать не может вновь.*

Ангел

*По небу полуночи ангел летел
И тихую песню он пел;
И месяц, и звезды, и тучи толпой
Внимали той песне святой.
Он пел о блаженстве безгрешных
духов
Под кущами райских садов;
О Боге великом он пел, и хвала
Его непритворна была.
Он душу младую в объятиях нес
Для мира печали и слез,
И звук его песни в душе молодой
Остался — без слов, но живой.
И долго на свете томилась она,
Желанием чудным полна;
И звуков небес заменить не могли
Ей скучные песни земли.*

«Как дух отчаянья и зла...»

*Как дух отчаянья и зла,
Мою ты душу обняла;
О! для чего тебе нельзя
Ее совсем взять у меня?
Моя душа твой вечный храм;
Как божество твой образ там;
Не от небес, лишь от него
Я жду спасенья своего.*

Звезда

*Вверху одна
Горит звезда;
Мой взор она
Манит всегда;
Мои мечты
Она влечет
И с высоты
Меня зовет!
Таков же был
Тот нежный взор,
Что я любил
Судьбе в укор.
Мук никогда
Он зреть не мог,*

Как та звезда,
Он был далек.
Усталых вежд
Я не смыкал
И без надежд
К нему взирал!

**«Я видел раз ее в веселом вихре
бала...»**

*Я видел раз ее в веселом вихре ба-
ла;
Казалось, мне она понравиться
желала;
Очей приветливость, движений
быстрота,
Природный блеск ланит и груди
полнота —
Все, все наполнило б мне ум оча-
рованьем,
Когда б совсем иным, бессмыслен-
ным желаньем
Я не был угнетен; когда бы предо
мною
Не пролетала тень с насмешкою
пустой,
Когда б я только мог забыть чер-
ты другие,*

Лицо бесцветное и взоры ледя-
ные!..

Сон

Я видел сон: прохладный гаснул
день,
От дома длинная ложилась тень,
Луна, взойдя на небе голубом,
Играла в стеклах радужным ог-
нем;
Все было тихо, как луна и ночь,
И ветер не мог дремоты перевоз-
мочь.
И на большом крыльце меж двух
колонн
Я видел деву; как последний сон
Души, на небо призванной, она
Сидела тут пленительна, груст-
на;
Хоть, может быть, притворная
печаль
Блестела в этом взоре, но едва ль.
Ее рука так трепетна была,
И грудь ее младая так тепла;
У ног ее (ребенок, может быть)
Сидел... ах! рано начал он любить,
Во цвете лет, с привязчивой ду-

шой,
Зачем ты здесь, страдалец молодой?
И он сидел и с страхом руку жал,
И глаз ее движенья провожал.
И не прочел он в них судьбы завет,
Мучение, заботы многих лет,
Болезнь души, потоки горьких слез,
Все, что оставил, все, что перенес;
И дорожил он взглядом тех очей,
Причиною погибели своей...

Мой демон

Собранье зол его стихия;
Носясь меж темных облаков,
Он любит бури роковые
И пену рек, и шум дубров;
Он любит пасмурные ночи,
Туманы, бледную луну,
Улыбки горькие и очи,
Безвестные слезам и сну.

К ничтожным хладным толкам
света
Привык прислушиваться он,

Ему смешны слова приветов
И всякий верящий смешон;
Он чужд любви и сожаленья,
Живет он пищею земной,
Глохает жадно дым сраженья
И пар от крови пролитой.

Родится ли страдалец новый,
Он беспокоит дух отца,
Он тут с насмешкою суровой
И с дикой важностью лица;
Когда же кто-нибудь нисходит
В могилу с трепетной душой,
Он час последний с ним проводит,
Но не утешен им больной.

И гордый демон не отстанет,
Пока живу я, от меня,
И ум мой озарять он станет
Лучом чудесного огня;
Покажет образ совершенства
И вдруг отнимет навсегда
И, дав предчувствия блаженства,
Не даст мне счастья никогда.

«Люблю я цепи синих гор...»

Люблю я цепи синих гор,
Когда, как южный метеор,
Ярка без света и красна
Всплывает из-за них луна,
Царица лучших дум певца
И лучший перл того венца,
Которым свод небес порой
Гордится, будто царь земной.
На западе вечерний луч
Еще горит на ребрах туч
И уступить все медлит он
Луне — угрюмый небосклон;
Но скоро гаснет луч зари...
Высоко месяц. Две иль три
Младые тучки окружат
Его сейчас... вот весь наряд,
Которым белое чело
Ему убрать позволено.
Кто не знавал таких ночей
В ущельях гор иль средь степей?
Однажды при такой луне
Я мчался на лихом коне
В пространстве голубых долин,
Как ветер, волен и один;
Туманный месяц и меня,

И гриву, и хребет коня
Сребристым блеском осыпал;
Я чувствовал, как конь дышал,
Как он, ударивши ногой,
Отбрасываем был землей;
И я в чудесном забытьи
Движенья сковывал свои,
И с ним себя желал я слить,
Чтоб этим бег наш ускорить;
И долго так мой конь летел...
И вокруг себя я поглядел:
Все та же степь, все та ж луна:
Свой взор ко мне склонив, она,
Казалось, упрекала в том,
Что человек с своим конем
Хотел владычество степей
В ту ночь оспаривать у ней!

**«Я счастлив! — тайный яд течет в
моей крови...»**

*Я счастлив! — тайный яд течет в
моей крови,
Жестокая болезнь мне смертью
угрожает!..
Дай Бог, чтоб так случилось!.. ни
любви,
Ни мук умерший уж не знает;
Шести досок жилец уединенный,
Не зная ничего, оставленный, за-
бвенный,
Ни славы зов, ни голос твой
Не возмутит надежный мой по-
кой!..*

К*

Я не унижусь пред тобою;
Ни твой привет, ни твой укор
Не властны над моей душою.
Знай: мы чужие с этих пор.
Ты позабыла: я свободы
Для заблужденья не отдам;
И так пожертвовал я годы
Твоей улыбке и глазам,
И так я слишком долго видел
В тебе надежду юных дней
И целый мир возненавидел,
Чтобы тебя любить сильнее.
Как знать, быть может, те
мгновенья,
Что протекли у ног твоих,
Я отнимал у вдохновенья!
А чем ты заменила их?
Быть может, мыслию небесной
И силой духа убежден,
Я дал бы миру дар чудесный,
А мне за то бессмертье он?
Зачем так нежно обещала
Ты заменить его венец,
Зачем ты не была сначала,
Какою стала наконец!

Я горд!.. прости! люби другого,
Мечтай любовь найти в другом;
Чего б то ни было земного
Я не соделаюсь рабом.
К чужим горам под небо юга
Я удалюсь, может быть;
Но слишком знаем мы друг друга,
Чтобы друг друга позабыть.
Отныне стану наслаждаться
И в страсти стану клясться
всем;
Со всеми буду я смеяться,
А плакать не хочу ни с кем;
Начну обманывать безбожно,
Чтоб не любить, как я любил;
Иль женщин уважать возможно,
Когда мне ангел изменил?
Я был готов на смерть и муку
И целый мир на битву звать,
Чтобы твою младую руку —
Безумец! — лишний раз пожать!
Не зная коварную измену,
Тебе я душу отдавал;
Такой души ты знала ль цену?
Ты знала — я тебя не знал!

Альбом Н. Ф. Ивановой

*Что может краткое свиданье
Мне в утешенье принести?
Час неизбежный расставанья
Настал, и я сказал: прости.
И стих безумный, стих прощаль-
ный
В альбом твой бросил для тебя,
Как след единственный, печаль-
ный,
Который здесь оставляю я.*

Альбом Д. Ф. Ивановой

*Когда судьба тебя захочет обма-
нуть
И мир печалить сердце станет —
Ты не забудь на этот лист взгля-
нуть
И думай: тот, чья ныне страж-
дет грудь,
Не опечалит, не обманет.*

«Нет, я не Байрон, я другой...»

*Нет, я не Байрон, я другой,
Еще неведомый избранник,
Как он, гонимый миром стран-
ник,
Но только с русскою душой.
Я раньше начал, кончу ране,
Мой ум не много совершит;
В душе моей, как в океане,
Надежд разбитых груз лежит.
Кто может, океан угрюмый,
Твои изведать тайны? Кто
Толпе мои расскажет думы?
Я — или Бог — или никто!*

«Я жить хочу! хочу печали...»

*Я жить хочу! хочу печали
Любви и счастья назло;
Они мой ум избаловали
И слишком сгладили чело.
Пора, пора насмешкам света
Прогнать спокойствия туман;
Что без страданий жизнь поэта?
И что без бури океан?
Он хочет жить ценою муки,
Ценой томительных забот.
Он покупает неба звуки,
Он даром славы не берет.*

Желанье

Отворите мне темницу,
Дайте мне сиянье дня,
Черноглазую девицу,
Черногривого коня.
Дайте раз по синю полю
Проскакать на том коне;
Дайте раз на жизнь и волю,
Как на чуждую мне долю,
Посмотреть поближе мне.
Дайте мне челнок дощатый
С полусгнившею скамьей,
Парус серый и косматый,
Ознакомленный с грозой.
Я тогда пушусь в море
Беззаботен и один,
Разгуляюсь на просторе
И потешусь в буйном споре
С дикой прихотью пучин.
Дайте мне дворец высокой
И кругом зеленый сад,
Чтоб в тени его широкой
Зрел янтарный виноград;
Чтоб фонтан не умолкая
В зале мраморном журчал
И меня б в мечтаньях рая,

Хладной пылью орошая,
Усыплял и пробуждал...

К*

Мой друг, напрасное старанье!
Скрывал ли я свои мечты?
Обыкновенный звук, название,
Вот все, чего не знаешь ты.
Пусть в этом имени хранится,
Быть может, целый мир любви...
Но мне ль надеждами делиться?
Надежды... о! они мои,
Мои — они святое царство
Души задумчивой моей...
Ни страх, ни ласки, ни коварство,
Ни горький смех, ни плач людей,
Дай мне сокровища вселенной,
Уж никогда не долетят
В тот угол сердца отдаленный,
Куда запрятал я мой клад.
Как помню, счастье прежде жило
И слезы крылись в месте том:
Но счастье скоро изменило,
А слезы вытекли потом.
Беречь сокровища святыя
Теперь я выучен судьбой;
Не встретят их глаза чужие,

Они умрут во мне, со мной!..

К*

Печаль в моих песнях, но что за
нужда?

Тебе не внимать им, мой друг, ни-
когда.

Они не прогонят улыбку святую
С тех уст, для которых живу и
тоскую.

К тебе не домчится ни слово, ни
звук,

Отзыв беспокойный неведомых
мук.

Певца твоя ласка утешить не мо-
жет,

Зачем же он сердце твое потрево-
жит?

О нет! одна мысль, что слеза
омрачит

Тот взор несравненный, где сча-
стье горит,

Безумные б звуки в груди подави-
ла,

Хоть прежде за них лишь певца
ты любила.

Два великана

*В шапке золота литого
Старый русский великан
Поджидал к себе другого
Из далеких чуждых стран.
За горами, за долами
Уж гремел об нем рассказ,
И помериться главами
Захотелось им хоть раз.*

*И пришел с грозой военной
Трехнедельный удалец,
И рукою дерзновенной
Хватъ за вражеский венец.*

*Но улыбкой роковою
Русский витязь отвечал:
Посмотрел — потрянул главою...
Ахнул дерзкий — и упал!
Но упал он в дальнем море
На неведомый гранит,
Там, где буря на просторе
Над пучиною шумит.*

К*

Прости! — мы не встретимся бо-
ле,
Друг другу руки не пожмем;
Прости! — твое сердце на воле...
Но счастья не сыщет в другом.
Я знаю: с порывом страданья
Опять затрепещет оно,
Когда ты услышишь названье
Того, кто погиб так давно!

Есть звуки — значенье ничтожно
И презрено гордой толпой —
Но их позабыть невозможно:
Как жизнь, они слиты с душой;
Как в гробе, зарыто былое
На дне этих звуков святых;
И в мире поймут их лишь двое,
И двое лишь вздрогнут от них!

Мгновение вместе мы были,
Но вечность — ничто перед ним;
Все чувства мы вдруг истожили,
Сожгли поцелуем одним;
Прости! — не жалея безрассудно,
О краткой любви не жалея:

*Расстаться казалось нам трудно,
Но встретиться было б трудней!*

«Безумец я! Вы правы, правы!..»

*Безумец я! вы правы, правы!
Смешно бессмертье на земли.
Как смел желать я громкой сла-
вы,
Когда вы счастливы в пыли?
Как мог я цепь предубеждений
Умом свободным потрясать
И пламень тайных угрызений
За жар поэзии принять?
Нет, не похож я на поэта!
Я обманулся, вижу сам;
Пускай, как он, я чужд для света,
Но чужд зато и небесам!
Мои слова печальны: знаю;
Но смысла их вам не понять.
Я их от сердца отрываю,
Чтоб муки с ними оторвать!
Нет... мне ли властвовать ума-
ми,
Всю жизнь на то употребя?
Пускай возвышусь я над вами,
Но удалюсь ли от себя?
И позабуду ль самовластно*

Мою погибшую любовь,
Все то, чему я верил страстно,
Чему не смею верить вновь?

Парус

*Белеет парус одинокой
В тумане моря голубом!..
Что ищет он в стране далекой?
Что кинул он в краю родном?..
Играют волны — ветер свищет,
И мачта гнется и скрипит...
Увы! он счастья не ищет
И не от счастья бежит!
Под ним струя светлей лазури,
Над ним луч солнца золотой...
А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!*

Тростник

Сидел рыбак веселый
На берегу реки;
И перед ним по ветру
Качались тростники.
Сухой тростник он срезал
И скважины проткнул;
Один конец зажал он,
В другой конец подул.
И будто оживленный,
Тростник заговорил —
То голос человека
И голос ветра был.
И пел тростник печально:
«Оставь, оставь меня;
Рыбак, рыбак прекрасный,
Терзаешь ты меня!
И я была девицей,
Красавица была,
У мачехи в темнице
Я некогда цвела.
И много слез горючих
Невинно я лила;
И раннюю могилу
Безбожно я звала.
И был сынок любимец

У мачехи моей,
Обманывал красавиц,
Пугал честных людей.
И раз пошли под вечер
Мы на берег крутой,
Смотреть на сини волны,
На запад золотой.
Моей любви просил он...
Любить я не могла,
И деньги мне дарил он, —
Я денег не брала;
Несчастную сгубил он,
Ударил в грудь ножом,
И здесь мой труп зарыл он
На берегу крутом;
И над моей могилой
Взошел тростник большой,
И в нем живут печали
Души моей молодой.
Рыбак, рыбак прекрасный,
Оставь же свой тростник.
Ты мне помочь не в силах,
А плакать не привык».

Русалка

*Русалка плыла по реке голубой,
Озаряема полной луной;
И старалась она доплеснуть до
луны
Серебристую пену волны.*

*И шумя и крутясь колебала река
Отраженные в ней облака;
И пела русалка — и звук ее слов
Долетал до крутых берегов.*

*И пела русалка: «На дне у меня
Играет мерцание дня;
Там рыбок золотые гуляют стада,
Там хрустальные есть города;*

*И там на подушке из ярких пес-
ков,
Под тенью густых тростников,
Спит витязь, добыча ревнивой
волны,
Спит витязь чужой стороны.*

*Расчесывать кольца шелковых
кудрей*

*Мы любим во мраке ночей,
И в чело, и в уста мы, в полуден-
ный час,
Целовали красавца не раз.*

*Но к страстным лобзаньям, не
знаю зачем,
Остается он хладен и нем;
Он спит, — и, склонившись на пер-
си ко мне,
Он не дышит, не шепчет во сне!..»*

*Так пела русалка над синей рекой,
Полна непонятной тоской;
И, шумно катясь, колебала река
Отраженные в ней облака.*

1837–1841 гг.

Бородино

— Скажи-ка, дядя, ведь недаром
Москва, спаленная пожаром,
Французу отдана?
Ведь были ж схватки боевые,
Да, говорят, еще какие!
Недаром помнит вся Россия
Про день Бородина!

— Да, были люди в наше время,
Не то, что нынешнее племя:
Богатыри — не вы!
Плохая им досталась доля:
Не многие вернулись с поля...
Не будь на то Господня воля,
Не отдали б Москвы!

Мы долго молча отступали,
Досадно было, боя ждали,
Ворчали старики:
«Что ж мы? на зимние кварти-
ры?
Не смеют, что ли, командиры
Чужие изорвать мундиры
О русские штывки?»

И вот нашли большое поле:
Есть разгуляться где на воле!
Построили редут.
У наших ушки на макушке!
Чуть утро осветило пушки
И леса синие верхушки —
Французы тут как тут.

Забил заряд я в пушку туго
И думал: угощу я друга!
Постой-ка, брат мусью!
Что тут хитрить, пожалуй к
бою;
Уж мы пойдем ломить стеною,
Уж постоем мы головою
За родину свою!

Два дня мы были в перестрелке.
Что толку в этакой безделке?
Мы ждали третий день.
Повсюду стали слышны речи:
«Пора добратся до картечи!»
И вот на поле грозной сечи
Ночная пала тень.

Прилег вздремнуть я у лафета,
И слышно было до рассвета,
Как ликовал француз.

Но тих был наш бивак откры-
тый:

Кто кивер чистил весь избитый,
Кто штык точил, ворча сердито,
Кусая длинный ус.

И только небо засветилось,
Все шумно вдруг зашевелилось,
Сверкнул за строем строй.
Полковник наш рожден был хва-
том:

Слуга царю, отец солдатам...
Да, жаль его: сражен булатом,
Он спит в земле сырой.

И молвил он, сверкнув очами:
«Ребята! не Москва ль за нами?
Умремте ж под Москвой,
Как наши братья умирали!»
И умереть мы обещали,
И клятву верности сдержали
Мы в Бородинский бой.

Ну ж был денек! Сквозь дым лету-
чий

Французы двинулись, как тучи,
И всё на наш редут.

Уланы с пестрыми значками,

*Драгуны с конскими хвостами,
Все промелькнули перед нами,
Все побывали тут.*

*Вам не видать таких сражений!..
Носились знамена, как тени,
В дыму огонь блестел,
Звучал булат, картечь визжала,
Рука бойцов колоть устала,
И ядрам пролетать мешала
Гора кровавых тел.*

*Изведал враг в тот день немало,
Что значит русский бой удалый,
Наш рукопашный бой!..
Земля тряслась — как наши гру-
ди;
Смешались в кучу кони, люди,
И залпы тысячи орудий
Слились в протяжный вой...*

*Вот смерклось. Были все готовы
Заутра бой затеять новый
И до конца стоять...
Вот затрещали барабаны —
И отступили басурманы.
Тогда считать мы стали раны,
Товарищей считать.*

Да, были люди в наше время,
Могучее, лихое племя:
Богатыри — не вы.
Плохая им досталась доля:
Не многие вернулись с поля,
Когда б на то не Божья воля,
Не отдали б Москвы!

Смерть поэта

Отмщенья, государь, отмщенья!
Паду к ногам твоим:
Будь справедлив и накажи убийцу,
Чтоб казнь его в позднейшие века
Твой правый суд потомству возве-
стила,
Чтоб видели злодеи в ней пример.
Погиб поэт! — невольник чести —
Пал, оклеветанный молвой,
С свинцом в груди и жаждой ме-
сти,
Поникнув гордой головой!..
Не вынесла душа поэта
Позора мелочных обид,
Восстал он против мнений света
Один, как прежде... и убит!
Убит!.. к чему теперь рыданья,
Пустых похвал ненужный хор

И жалкий лепет оправданья?
Судьбы свершился приговор!
Не вы ль сперва так злобно гнали
Его свободный, смелый дар
И для потехи раздували
Чуть затаившийся пожар?
Что ж? веселитесь... — он муче-
ний
Последних вынести не мог:
Угас, как светоч, дивный гений,
Увял торжественный венок.
Его убийца хладнокровно
Навел удар... спасенья нет:
Пустое сердце бьется ровно.
В руке не дрогнул пистолет.
И что за диво?.. издалика,
Подобный сотням беглецов,
На ловлю счастья и чинов
Заброшен к нам по воле рока;
Смеясь, он дерзко презирал
Земли чужой язык и нравы;
Не мог щадить он нашей славы;
Не мог понять в сей миг крова-
вый,
На что он руку поднимал!..
И он убит — и взят могилой,
Как тот певец, неведомый, но ми-
лый,

Добыча ревности глухой,
Воспетый им с такою чудной си-
лой,
Сраженный, как и он, безжалост-
ной рукой.
Зачем от мирных нег и дружбы
простодушной
Вступил он в этот свет, завист-
ливый и душный
Для сердца вольного и пламенных
страстей?
Зачем он руку дал клеветникам
ничтожным,
Зачем поверил он словам и лас-
кам ложным,
Он, с юных лет постигнувший лю-
дей?..
И прежний сняв венок, — они ве-
нец терновый,
Увитый лаврами, надели на него:
Но иглы тайные сурово
Язвили славное чело;
Отравлены его последние мгнове-
нья
Коварным шепотом насмешли-
вых невежд,
И умер он — с напрасной жаждой
мщенья,

С досадой тайною обманутых надежд.

Замолкли звуки чудных песен,
Не раздаваться им опять:

Приют певца угрюм и тесен,
И на устах его печать.

А вы, надменные потомки
Известной подлостью прослав-
ленных отцов,

Пятою рабскою поправшие об-
ломки

Игрою счастья обиженных родов!

Вы, жадною толпой стоящие у
трона,

Свободы, Гения и Славы палачи!

Таитесь вы под сению закона,
Пред вами суд и правда — всё мол-
чи!..

Но есть и Божий суд, наперсники
разврата!

Есть грозный суд: он ждет;
Он не доступен звону злата,
И мысли и дела он знает наперед.
Тогда напрасно вы прибегнете к
злословью:

Оно вам не поможет вновь,
И вы не смоете всей вашей черной
кровью

Поэта праведную кровь!

Ветка палестины

*Скажи мне, ветка Палестины:
Где ты росла, где ты цвела?
Каких холмов, какой долины
Ты украшением была?
У вод ли чистых Иордана
Востока луч тебя ласкал,
Ночной ли ветер в горах Ливана
Тебя сердито колыхал?
Молитву ль тихую читали
Иль пели песни старины,
Когда листья твои сплетали
Солима бедные сыны?*

*И пальма та жива ль поныне?
Все так же ль манит в летний
зной
Она прохожего в пустыне
Широколиственной главой?
Или в разлуке безотрадной
Она увяла, как и ты,
И дольний прах ложится жадно
На пожелтевшие листья?..
Поведай: набожной рукою
Кто в этот край тебя занес?*

Грустил он часто над тобою?
Хранишь ты след горючих слез?
Иль, Божьей рати лучший воин,
Он был, с безоблачным челом,
Как ты, всегда небес достоин
Перед людьми и божеством?..

Заботой тайною хранима
Перед иконой золотой
Стоишь ты, ветвь Ерусалима,
Святыни верный часовой!
Прозрачный сумрак, луч лампады,
Кивот и крест, символ святой...
Все полно мира и отрады
Вокруг тебя и над тобой.

УЗНИК

Отворите мне темницу,
Дайте мне сиянье дня,
Черноглазую девицу,
Черногривого коня!
Я красавицу младую
Прежде сладко поцелую,
На коня потом вскочу,
В степь, как ветер, улечу.
Но окно тюрьмы высоко,
Дверь тяжелая с замком;
Черноокая далеко,
В пышном тереме своем,
Добрый конь в зеленом поле
Без узды, один, по воле
Скачет, весел и игрив,
Хвост по ветру распустил.
Одинок я — нет отрады:
Стены голые кругом,
Тускло светит луч лампы
Умирающим огнем;
Только слышно: за дверями
Звучно-мерными шагами
Ходит в тишине ночной
Безответный часовой.

«Когда волнуется желтеющая нива...»

Когда волнуется желтеющая ни-
ва
И свежий лес шумит при звуке ве-
терка,
И прячется в саду малиновая сли-
ва
Под тенью сладостной зеленого
листка;
Когда росой обрызганный души-
стой,
Румяным вечером иль утра в час
златой,
Из-под куста мне ландыш сереб-
ристый
Приветливо кивает головой;
Когда студеный ключ играет по
оврагу
И, погружая мысль в какой-то
смутный сон,
Лепечет мне таинственную сагу
Про мирный край, откуда мчитс-
я он, —
Тогда смиряется души моей тре-
вога,

Тогда расходятся морщины на че-
ле, —
И счастье я могу постигнуть на
земле,
И в небесах я вижу Бога...

Молитва

Я, Матерь Божия, ныне с молит-
вою
Пред твоим образом, ярким сия-
нием,
Не о спасении, не перед битвою,
Не с благодарностью иль покая-
нием,
Не за свою молю душу пустын-
ную,
За душу странника в свете без-
родного;
Но я вручить хочу деву невинную
Теплой заступнице мира холодно-
го.
Окружи счастьем душу достой-
ную;
Дай ей спутников, полных внима-
ния,
Молодость светлую, старость
покойную,

*Сердцу незлобному мир упования.
Срок ли приблизится часу про-
щальному
В утро ли шумное, в ночь ли без-
гласную,
Ты воспрять пошли к ложу пе-
чальному
Лучшего ангела душу прекрасную.*

«Расстались мы; но твой портрет...»

*Расстались мы; но твой портрет
Я на груди моей храню:
Как бледный призрак лучших лет,
Он душу радует мою.
И новым преданный страстям,
Я разлюбить его не мог:
Так храм оставленный — все
храм,
Кумир поверженный — все Бог!*

Кинжал

*Люблю тебя, булатный мой кинжал,
Товарищ светлый и холодный.
Задумчивый грузин на месть тебя ковал,
На грозный бой точил черкес свободный.*

*Лилейная рука тебя мне поднесла
В знак памяти, в минуту расставанья,
И в первый раз не кровь вдоль по тебе текла,
Но светлая слеза — жемчужина страданья.*

*И черные глаза, остановясь на мне,
Исполнены таинственной печали,
Как сталь твоя при трепетном огне,
То вдруг тускнели, то сверкали.
Ты дан мне в спутники, любви залог немой,*

*И страннику в тебе пример не
бесполезный:*

*Да, я не изменюсь и буду тверд ду-
шой,*

*Как ты, как ты, мой друг желез-
ный.*

«Гляжу на будущность с боязнью...»

*Гляжу на будущность с боязнью,
Гляжу на прошлое с тоской
И, как преступник перед казнью,
Ищу кругом души родной;
Придет ли вестник избавленья
Открыть мне жизни назначенье,
Цель упований и страстей,
Поведать — что мне Бог гото-
вил,
Зачем так горько прекословил
Надеждам юности моей.*

*Земле я отдал дань земную
Любви, надежд, добра и зла;
Начать готов я жизнь другую,
Молчу и жду: пора пришла;
Я в мире не оставлю брата,
И тьмой и холодом объята
Душа усталая моя;*

*Как ранний плод, лишенный сока,
Она увяла в бурях рока
Под знойным солнцем бытия.*

«Как небеса, твой взор блистает...»

*Как небеса, твой взор блистает
Эмалью голубой,
Как поцелуй, звучит и тает
Твой голос молодой;
За звук один волшебной речи,
За твой единый взгляд,
Я рад отдать красавца сечи,
Грузинский мой булат;
И он порою сладко блещет,
И сладостней звучит,
При звуке том душа трепещет
И в сердце кровь кипит.
Но жизнью бранной и мятежной
Не тешусь я с тех пор,
Как услышал твой голос нежный
И встретил милый взор.*

«Она поет — и звуки тают...»

*Она поет — и звуки тают,
Как поцелуи на устах,
Глядит — и небеса играют
В ее божественных глазах;
Идет ли — все ее движенья,
Иль молвит слово — все черты
Так полны чувства, выраженья,
Так полны дивной простоты.*

Дума

*Печально я гляжу на наше поко-
ленье!
Его грядущее — иль пусто, иль
темно,
Меж тем, под бременем познания
и сомненья,
В бездействии состарится оно.
Богаты мы, едва из колыбели,
Ошибками отцов и поздним их
умом,
И жизнь уж нас томит, как ров-
ный путь без цели,
Как пир на празднике чужом.
К добру и злу постыдно равнодуш-*

ны,
В начале поприща мы вянем без
борьбы;
Перед опасностью позорно-мало-
душны,
И перед властью — презренные
рабы.
Так тощий плод, до времени со-
зрелый,
Ни вкуса нашего не радуя, ни глаз,
Висит между цветов, пришлец
осиротелый,
И час их красоты — его паденья
час!
Мы иссушили ум наукою бесплод-
ной,
Тая завистливо от ближних и
друзей
Надежды лучшие и голос благо-
родный
Неверием осмеянных страстей.
Едва касались мы до чаши насла-
жденья,
Но юных сил мы тем не сберегли;
Из каждой радости, бояся пресы-
щенья,
Мы лучший сок навеки извлекли.
Мечты поэзии, создания искус-

ства

Восторгом сладостным наш ум
не шевелят;

Мы жадно бережем в груди оста-
ток чувства —

Зарытый скупостью и бесполез-
ный клад.

И ненавидим мы, и любим мы
случайно,

Ничем не жертвуя ни злобе, ни
любви,

И царствует в душе какой-то хо-
лод тайный,

Когда огонь кипит в крови.

И предков скучны нам роскошные
забавы,

Их добросовестный, ребяческий
разврат;

И к гробу мы спешим без счастья
и без славы,

Глядя насмешливо назад.

Толпой угрюмою и скоро позабы-
той

Над миром мы пройдем без шума
и следа,

Не бросивши векам ни мысли пло-
довитой,

Ни гением начатого труда.

*И прах наш, с строгостью судьи и
гражданина,
Потомок оскорбит презритель-
ным стихом,
Насмешкой горькою обманутого
сына
Над промотавшимся отцом.*

Поэт

*Отделкой золотой блистает мой
кинжал;
Клинок надежный, без порока;
Булат его хранит таинственный
закал —
Наследье бранного востока.
Наезднику в горах служил он мно-
го лет,
Не зная платы за услугу;
Не по одной груди провел он
страшный след
И не одну прорвал кольчугу.
Забавы он делил послушнее раба,
Звенел в ответ речам обидным.
В те дни была б ему богатая резь-
ба
Нарядом чуждым и постыдным.*

Он взят за Тереком отважным
казаком
На хладном трупе господина,
И долго он лежал заброшенный
потом
В походной лавке армянина.
Теперь родных ножон, избитых на
войне,
Лишен героя спутник бедный,
Игрушкой золотой он блещет на
стене —
Увы, бесславный и безвредный!
Никто привычною, заботливой
рукой
Его не чистит, не ласкает,
И надписи его, молясь перед зарей,
Никто с усердьем не читает...
В наш век изнеженный не так ли
ты, поэт,
Свое утратил назначенье,
На злато променяв ту власть, ко-
торой свет
Внимал в немом благоговенье?
Бывало, мерный звук твоих могу-
чих слов
Воспламенял бойца для битвы,
Он нужен был толпе, как чаша
для пиров,

Как фимиам в часы молитвы.
Твой стих, как Божий дух, носился
над толпой;
И, отзыв мыслей благородных,
Звучал, как колокол на башне ве-
чевой,
Во дни торжеств и бед народных.
Но скучен нам простой и гордый
твой язык,
Нас тешат блёстки и обманы;
Как ветхая краса, наш ветхий
мир привык
Морщины прятать под румяны...
Проснешься ль ты опять, осмеян-
ный пророк?
Иль никогда на голос мщенья
Из золотых ножон не вырвешь
свой клинок,
Покрытый ржавчиной презре-
нья?..

Три пальмы **(Восточное сказание)**

*В песчаных степях аравийской
земли
Три гордые пальмы высоко росли.
Родник между ними из почвы бесплодной,
Журча, пробивался волною холодной,
Хранимый, под сенью зеленых листьев,
От знойных лучей и летучих песков.*

*И многие годы неслышно прошли;
Но странник усталый из чуждой земли
Пылающей грудью ко влаге студенной
Еще не склонялся под кущей зеленой,
И стали уж сохнуть от знойных лучей
Роскошные листья и звучный ручей.*

И стали три пальмы на Бога роп-
тать:

«На то ль мы родились, чтоб
здесь увядать?»

Без пользы в пустыне росли и цве-
ли мы,

Колеблемы вихрем и зноем пали-
мы,

Ничей благосклонный не радуя
взор?..

Не прав твой, о небо, святой при-
говор!»

И только замолкли — в дали го-
лубой

Столбом уж крутился песок зо-
лотой,

Звонков раздавались нестройные
звуки,

Пестрели коврами покрытые вью-
ки,

И шел колыхаясь, как в море чел-
нок,

Верблюд за верблюдом, взрывая
песок.

Мотаясь висели меж твердых
горбов

Узорные полы походных шатров;
Их смуглые ручки порой подыма-
ли,
И черные очи оттуда сверкали...
И, стан худощавый к луке накло-
ня,
Араб горячил вороного коня.
И конь на дыбы подымался порой,
И прыгал, как барс, пораженный
стрелой;
И белой одежды красивые складки
По плечам фариса вились в беспор-
ядке;
И, с криком и свистом несясь по
песку,
Бросал и ловил он копье на скаку.
Вот к пальмам подходит шумя
караван:
В тени их веселый раскинулся
стан.
Кувшины звуча налилися водою,
И, гордо кивая махровой главою,
Приветствуют пальмы неждан-
ных гостей,
И щедро поит их студеный ручей.
Но только что сумрак на землю
упал,
По корням упругим топор засту-

чал,
И пали без жизни питомцы столетий!
Одежду их сорвали малые дети,
Изрублены были тела их потом,
И медленно жгли их до утра огнем.
Когда же на запад умчался туман,
Урочный свой путь совершал караван;
И следом печальным на почве бесплодной
Виднелся лишь пепел седой и холодный;
И солнце остатки сухие дожгло,
А ветром их в степи потом разнесло.
И ныне все дико и пусто кругом —
Не шепчутся листья с гремучим ключом:
Напрасно пророка о тени он просит —
Его лишь песок раскаленный заносит,
Да коршун хохлатый, степной нелюдим,
Добычу терзает и щиплет над

ним.

Молитва

*В минуту жизни трудную
Теснится ль в сердце грусть:
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.*

*Есть сила благодатная
В созвучье слов живых,
И дышит непонятная,
Святая прелесть в них.*

*С души как бремя скатится,
Сомненье далеко —
И верится, и плачется,
И так легко, легко...*

Памяти А. И. Одоевского

*Я знал его: мы странствовали с
ним
В горах востока, и тоску изгнанья
Делили дружно; но к полям род-
ным
Вернулся я, и время испытанья
Промчалось законной чередой;
А он не дождался минуты слад-
кой:
Под бедною походною палаткой
Болезнь его сразила, и с собой
В могилу он унес летучий рой
Еще незрелых, темных вдохнове-
ний,
Обманутых надежд и горьких со-
жалений!*

*Он был рожден для них, для тех
надежд,
Поэзии и счастья... Но, безум-
ный —
Из детских рано вырвался одежд
И сердце бросил в море жизни
шумной,
И свет не пощадил — и Бог не*

спас!
Но до конца среди волнений труд-
ных,
В толпе людской и средь пустынь
безлюдных
В нем тихий пламень чувства не
угас:
Он сохранил и блеск лазурных
глаз,
И звонкий детский смех, и речь
живую,
И веру гордую в людей и жизнь
иную.

Но он погиб далеко от друзей...
Мир сердцу твоему, мой милый
Саша!
Покрытое землей чужих полей,
Пусть тихо спит оно, как дружба
наша
В немом кладбище памяти моей!
Ты умер, как и многие, без шума,
Но с твердостью. Таинственная
дума
Еще блуждала на челе твоём,
Когда глаза закрылись вечным
сном;
И то, что ты сказал перед кончи-

ной,
Из слушавших тебя не понял ни
единый...

И было ль то привет стране род-
ной,
Название ли оставленного друга,
Или тоска по жизни молодой,
Иль просто крик последнего недуга,
Кто скажет нам?.. Твоих послед-
них слов
Глубокое и горькое значение
Потеряно... Дела твои, и мненья,
И думы — все исчезло без следов,
Как легкий пар вечерних облаков:
Едва блеснут, их ветер вновь уно-
сит —
Куда они? зачем? откуда? — кто
их спросит...

И после их на небе нет следа,
Как от любви ребенка безнадеж-
ной,
Как от мечты, которой никогда
Он не вверял заботам дружбы
нежной...
Что за нужда? Пускай забудет

свет

Столь чуждое ему существова-
нье:

Зачем тебе венцы его вниманья
И терния пустых его клевет?

Ты не служил ему. Ты с юных лет
Коварные его отвергнул цепи:

Любил ты моря шум, молчанье
синей степи —

И мрачных гор зубчатые хреб-
ты...

И, вокруг твоей могилы неизвест-
ной,

Все, чем при жизни радовался ты,
Судьба соединила так чудесно:

Немая степь синее, и венцом
Серебряным Кавказ ее объемлет;

Над морем он, нахмурясь, тихо
дремлет,

Как великан, склонившись над щи-
том,

Расскажет волн кочующих вни-
мая,

А море Черное шумит не умол-
кая.

1-е января

Как часто, пестрою толпою окружен,
Когда передо мной, как будто бы
сквозь сон,
При шуме музыки и пляски,
При диком шепоте затверженных
речей,
Мелькают образы бездушные лю-
дей,
Приличьем стянутые маски,
Когда касаются холодных рук мо-
их
С небрежной смелостью красавиц
городских
Давно бестрепетные руки, —
Наружно погружась в их блеск и
суету,
Ласкаю я в душе старинную меч-
ту,
Погибших лет святые звуки.
И если как-нибудь на миг удастся
мне
Забиться, — памятью к недавней
старине
Лечу я вольной, вольной птицей;

И вижу я себя ребенком; и кругом
Родные всё места: высокий бар-
ский дом
И сад с разрушенной теплицей;
Зеленой сетью трав подернут
спящий пруд,
А за прудом село дымится — и
встают
Вдали туманы над полями.
В аллею темную вхожу я; сквозь
кусты
Глядит вечерний луч, и желтые
листья
Шумят под робкими шагами.
И странная тоска теснит уж
грудь мою:
Я думаю об ней, я плачу и люблю,
Люблю мечты моей создание
С глазами, полными лазурного ог-
ня,
С улыбкой розовой, как молодого
дня
За рощей первое сиянье.
Так царства дивного всесильный
господин —
Я долгие часы просиживал один,
И память их жива поныне
Под бурей тягостных сомнений и

страстей,
Как свежий островок безвредно
среди морей
Цветет на влажной их пустыне.
Когда ж, опомнившись, обман я
узнаю,
И шум толпы людской спугнет
мечту мою,
На праздник незваную гостью,
О, как мне хочется смутить весе-
лость их
И дерзко бросить им в глаза же-
лезный стих,
Облитый горечью и злостью!..

И скучно и грустно

И скучно и грустно, и некому руку
подать
В минуту душевной невзгоды...
Желанья!.. что пользы напрасно и
вечно желать?..
А годы проходят — все лучшие го-
ды!

Любить... но кого же?.. на вре-
мя — не стоит труда,
А вечно любить невозможно.

*В себя ли заглянешь? — там про-
шлого нет и следа:
И радость, и муки, и все там ни-
чтожно...*

*Что страсти? — ведь рано иль
поздно их сладкий недуг
Исчезнет при слове рассудка;
И жизнь, как посмотришь с хо-
лодным вниманьем вокруг, —
Такая пустая и глупая шутка...*

«Есть речи — значенье...»

*Есть речи — значенье
Темно иль ничтожно,
Но им без волненья
Внимать невозможно.
Как полны их звуки
Безумством желанья!
В них слезы разлуки,
В них трепет свиданья.
Не встретит ответа
Средь шума мирского
Из пламя и света
Рожденное слово;
Но в храме, средь боя
И где я ни буду,*

Услышав, его я
Узнаю повсюду.
Не кончив молитвы,
На звук тот отвечаю,
И брошусь из битвы
Ему я навстречу.

Воздушный корабль **(Из Зейдлица)**

По синим волнам океана,
Лишь звезды блеснут в небесах,
Корабль одинокий несется,
Несется на всех парусах.
Не гнутся высокие мачты,
На них флюгера не шумят,
И молча в открытые люки
Чугунные пушки глядят.
Не слышно на нем капитана,
Не видно матросов на нем;
Но скалы, и тайные мели,
И бури ему нипочем.
Есть остров на том океане —
Пустынный и мрачный гранит;
На острове том есть могила,
А в ней император зарыт.
Зарыт он без почестей бранных

Врагами в сыпучий песок,
Лежит на нем камень тяжелый,
Чтоб встать он из гроба не мог.
И в час его грустной кончины,
В полночь, как свершается год,
К высокому берегу тихо
Воздушный корабль пристаёт.
Из гроба тогда император,
Очнувшись, является вдруг;
На нем треугольная шляпа
И серый походный сюртук.
Скрестивши могучие руки,
Главу опустивши на грудь,
Идет и к рулю он садится
И быстро пускается в путь.
Несется он к Франции милой,
Где славу оставил и трон,
Оставил наследника сына
И старую гвардию он.

И только что землю родную
Завидит во мраке ночном,
Опять его сердце трепещет
И очи пылают огнем.
На берег большими шагами
Он смело и прямо идет,
Соратников громко он кличет
И маршалов грозно зовет.

Но смят усачи-гренадеры —
В равнине, где Эльба шумит,
Под снегом холодной России,
Под знойным песком пирамид.
И маршалы зова не слышат:
Иные погибли в бою,
Другие ему изменили
И продали шпагу свою.
И, топнув о землю ногою,
Сердито он взад и вперед
По тихому берегу ходит,
И снова он громко зовет:
Зовет он любезного сына,
Опору в превратной судьбе;
Ему обещает полмира,
А Францию только себе.
Но в цвете надежды и силы
Угас его царственный сын,
И долго, его поджидая,
Стоит император один —
Стоит он и тяжело вздыхает,
Пока озарится восток,
И капают горькие слезы
Из глаз на холодной песок,
Потом на корабль свой волшеб-
ный,
Главу опустивши на грудь,
Идет и, махнувши рукою,

В обратный пускается путь.

Пленный рыцарь

Молча сижусь под окошком темницы;

Синее небо отсюда мне видно:

В небе играют все вольные птицы;

Глядя на них, мне и больно и стыдно.

Нет на устах моих грешной молитвы,

Нету ни песни во славу любезной:

Помню я только старинные битвы,

Меч мой тяжелый да панцирь железный.

В каменный панцирь я ныне закован,

Каменный шлем мою голову давит,

Щит мой от стрел и меча заколдован,

Конь мой бежит, и никто им не правит.

Быстрое время — мой конь неизменный,

Шлема забрало — решетка бой-

ницы,
Каменный панцирь — высокие
стены,
Щит мой — чугунные двери тем-
ницы.
Мчись же быстрее, летучее вре-
мя!
Душно под новой броней мне ста-
ло!
Смерть, как приедем, поддержит
мне стремя;
Слезу и сдерну с лица я забрало.

Тучи

Тучки небесные, вечные странни-
ки!
Степью лазурною, цепью жем-
чужною
Мчитесь вы, будто как я же, из-
гнанники,
С милого севера в сторону юж-
ную.
Кто же вас гонит: судьбы ли ре-
шение?
Зависть ли тайная? злоба ль от-
крытая?
Или на вас тяготит преступле-

ние?
Или друзей клевета ядовитая?
Нет, вам наскучили нивы бесплод-
ные...
Чужды вам страсти и чужды
страдания;
Вечно холодные, вечно свободные,
Нет у вас родины, нет вам изгна-
ния.

Валерик

Я к вам пишу случайно; право,
Не знаю как и для чего.
Я потерял уж это право.
И что скажу вам? — ничего!
Что помню вас? — но, Боже пра-
вый,
Вы это знаете давно;
И вам, конечно, все равно.
И знать вам также нету нужды,
Где я? что я? в какой глуши?
Душою мы друг другу чужды,
Да вряд ли есть родство души.
Страницы прошлого читая,
Их по порядку разбирая
Теперь остынувшим умом,
Разуверяюсь я во всем.

Смешно же сердцем лицемерить
Перед собою столько лет;
Добро б еще морочить свет!
Да и притом, что пользы верить
Тому, чего уж больше нет?..
Безумно ждать любви заочной?
В наш век все чувства лишь на
срок;
Но я вас помню — да и точно,
Я вас никак забыть не мог!
Во-первых, потому, что много
И долго, долго вас любил,
Потом страданьем и тревогой
За дни блаженства заплатил;
Потом в раскаянье бесплодном
Влачил я цепь тяжелых лет
И размышлением холодным
Убил последний жизни цвет.
С людьми сближаясь осторожно,
Забыл я шум младых проказ,
Любовь, поэзию, — но вас
Забыть мне было невозможно.
И к мысли этой я привык,
Мой крест несу я без роптанья:
То иль другое наказанье?
Не все ль одно. Я жизнь постиг;
Судьбе, как турок иль татарин,
За все я ровно благодарен;

У Бога счастья не прошу
И молча зло переносу.
Быть может, небеса Востока
Меня с ученьем их пророка
Невольно сблизили. Притом
И жизнь всечасно кочевая,
Труды, заботы ночь и днем,
Все, размышлению мешая,
Приводит в первобытный вид
Больную душу: сердце спит,
Простора нет воображенью...
И нет работы голове...
Зато лежишь в густой траве
И дремлешь под широкой тенью
Чинар иль виноградных лоз;
Кругом белеются палатки;
Казачьи тощие лошадки
Стоят рядком, повеса нос;
У медных пушек спит прислуга.
Едва дымятся фитили;
Попарно цепь стоит вдали;
Штыки горят под солнцем юга.
Вот разговор о старине
В палатке ближней слышен мне;
Как при Ермолове ходили
В Чечню, в Аварию, к горам;
Как там дрались, как мы их били,
Как доставалось и нам;

И вижу я неподалеку
У речки, следуя пророку,
Мирной татарин свой намаз
Творит, не подымая глаз;
А вот кружком сидят другие.
Люблю я цвет их желтых лиц,
Подобный цвету ноговиц,
Их шапки, рукава худые,
Их темный и лукавый взор
И их гортанный разговор.
Чу — дальний выстрел! прожуж-
жала

Шальная пуля... славный звук...
Вот крик — и снова все вокруг
Затихло... но жара уж спала,
Ведут коней на водопой,
Зашевелилася пехота;
Вот проскакал один, другой!
Шум, говор. Где вторая рота?
Что, вьючить? — что же капи-
тан?

Повозки выдвигайте живо!
«Савельич!» — «Ой ли!» — «Дай ог-
ниво!»

Подъем ударил барабан —
Гудит музыка полковая;
Между колоннами въезжая,
Звенят орудья. Генерал

Вперед со свитой поскакал...
Рассыпались в широком поле,
Как пчелы, с гиком казаки;
Уж показались значки
Там на опушке — два, и боле.
А вот в чалме один мюрид
В черкеске красной ездит важно,
Конь светло-серый весь кипит,
Он машет, кличет — где отваж-
ный?
Кто выдет с ним на смертный
бой!..
Сейчас, смотрите: в шапке чер-
ной
Казак пустился гребенской;
Винтовку выхватил проворно,
Уж близко... выстрел... легкий
дым...
Эй вы, станичники, за ним...
Что? ранен!.. — Ничего, бездел-
ка... —
И завязалась перестрелка...
Но в этих сшибках удалых
Забавы много, толку мало;
Прохладным вечером, бывало,
Мы любовались на них,
Без кровожадного волнения,
Как на трагический балет;

Зато видал я представленья,
Каких у вас на сцене нет...
Раз — это было под Гихами —
Мы проходили темный лес;
Огнем дыша, пылал над нами
Лазурно-яркий свод небес.
Нам был обещан бой жестокий.
Из гор Ичкерии далекой
Уже в Чечню на братний зов
Толпы стекались удальцов.
Над допотопными лесами
Мелькали маяки кругом;
И дым их то вился столпом,
То расстилался облаками;
И оживились леса;
Скликались дико голоса
Под их зелеными шатрами.
Едва лишь выбрался обоз
В поляну, дело началось;
Чу! в арьергард орудья просят;
Вот ружья из кустов выносят,
Вот тащат за ноги людей
И кличут громко врачей;
А вот и слева, из опушки,
Вдруг с гиком кинулись на пушки;
И градом пуль с вершин дерев
Отряд осыпан. Впереди же
Все тихо — там между кустов

Бежал поток. Подходим ближе.
Пустили несколько гранат;
Еще подвинулись; молчат;
Но вот над бревнами завала
Ружье как будто заблестало;
Потом мелькнуло шапки две;
И вновь все спряталось в траве.
То было грозное молчанье,
Недолго длилось оно,
Но в этом странном ожиданье
Забилось сердце не одно.
Вдруг залп... глядим: лежат ряда-
ми,
Что нужды? здешние полки
Народ испытанный... «В штыки,
Дружнее!» — раздалось за нами.
Кровь загорелася в груди!
Все офицеры впереди...
Верхом помчался на завалы
Кто не успел спрыгнуть с коня...
«Ура!» — и смолкло. «Вон кинжа-
лы,
В приклады!» — и пошла резня.
И два часа в струях потока
Бой длился. Резались жестоко,
Как звери, молча, с грудью грудь,
Ручей телами запрудили.
Хотел воды я зачерпнуть...

(И зной и битва утомили
Меня), но мутная волна
Была тепла, была красна.
На берегу, под тенью дуба,
Пройдя завалов первый ряд,
Стоял кружок. Один солдат
Был на коленях; мрачно, грубо
Казалось выраженье лиц,
Но слезы капали с ресниц,
Покрытых пылью... на шинели,
Спиною к дереву, лежал
Их капитан. Он умирал;
В груди его едва чернели
Две ранки; кровь его чуть-чуть
Сочилась. Но высоко грудь
И трудно подымалась, взоры
Бродили страшно, он шептал...
«Спасите, братцы. — Тащат в го-
ры.
Постойте — ранен генерал...
Не слышат...» Долго он стонал,
Но все слабей, и понемногу
Затих и душу отдал Богу;
На ружья опершись, кругом
Стояли усачи седые...
И тихо плакали... потом
Его остатки боевые
Накрыли бережно плащом

И понесли. Тоской томимый,
Им вслед смотрел я недвижимо-
мый.

Меж тем товарищей, друзей
Со вздохом возле называли;
Но не нашел в душе моей
Я сожаленья, ни печали.

Уже затихло все; тела
Стащили в кучу; кровь текла
Струею дымной по камням,
Ее тяжелым испареньем
Был полон воздух. Генерал
Сидел в тени на барабане
И донесенья принимал.

Окрестный лес, как бы в тумане,
Синел в дыму пороховом.
А там, вдали, грядой нестройной,
Но вечно гордой и спокойной,
Тянулись горы — и Казбек
Сверкал главой остроконечной.
И с грустью тайной и сердечной
Я думал: «Жалкий человек.
Чего он хочет!.. небо ясно,
Под небом места много всем,
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он — зачем?»
Галуб прервал мое мечтанье,
Ударив по плечу; он был

Кунак мой; я его спросил,
Как месту этому названье?
Он отвечал мне: «Валерик,
А перевестъ на ваш язык,
Так будет речка смерти: верно,
Дано старинными людьми».
«А сколько их дралось примерно
Сегодня?» — «Тысяч до семи».
«А много горцы потеряли?»
«Как знать? — зачем вы не счита-
ли!»
«Да! будет, — кто-то тут ска-
зал, —
Им в память этот день крова-
вый!»
Чеченец посмотрел лукаво
И головою покачал.
Но я боюсь вам наскучить,
В забавах света вам смешны
Тревоги дикие войны;
Свой ум вы не привыкли мучить
Тяжелой думой о конце;
На вашем молодом лице
Следов заботы и печали
Не отыскать, и вы едва ли
Вблизи когда-нибудь видали,
Как умирают. Дай вам Бог
И не видать: иных тревог

Довольно есть. В samozабвенье
Не лучше ль кончить жизни
путь?
И беспробудным сном заснуть
С мечтой о близком пробужде-
нье?
Теперь прощайте: если вас
Мой безыскусственный рассказ
Развеселит, займет хоть ма-
лость,
Я буду счастлив. А не так? —
Простите мне его как шалость
И тихо молвите: чудак!..

Завещание

Наедине с тобою, брат,
Хотел бы я побыть:
На свете мало, говорят,
Мне остается жить!
Поедешь скоро ты домой:
Смотри ж... Да что? моей судь-
бой,
Сказать по правде, очень
Никто не озабочен.
А если спросит кто-нибудь...
Ну, кто бы ни спросил,
Скажи им, что навывлет в грудь

Я пулей ранен был;
Что умер честно за царя,
Что плохи наши лекаря
И что родному краю
Поклон я посылаю.
Отца и мать мою едва ль
Застанешь ты в живых...
Признаться, право, было б жаль
Мне опечалить их;
Но если кто из них и жив,
Скажи, что я писать ленив,
Что полк в поход послали
И чтоб меня не ждали.
Соседка есть у них одна...
Как вспомнишь, как давно
Расстались!.. Обо мне она
Не спросит... все равно,
Ты расскажи всю правду ей,
Пустого сердца не жалеи;
Пускай она поплачет...
Ей ничего не значит!

Родина

Люблю отчизну я, но странною
любовью!
Не победит ее рассудок мой.
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого доверия покой,
Ни темной старины заветные
преданья
Не шевелят во мне отрадного
мечтанья.
Но я люблю — за что, не знаю
сам —
Ее степей холодное молчанье,
Ее лесов безбрежных колыханье,
Разливы рек ее, подобные морям;
Проселочным путем люблю ска-
кать в телеге
И, взором медленным пронзая но-
чи тень,
Встречать по сторонам, вздыхая
о ночлеге,
Дрожащие огни печальных дере-
вень.
Люблю дымок спаленной жнивы,
В степи ночующий обоз
И на холме средь желтой нивы

Чету белеющих берез.
С отрадой, многим незнакомой,
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
С резными ставнями окно;
И в праздник, вечером росистым,
Смотреть до полночи готов
На пляску с топаньем и свистом
Под говор пьяных мужичков.

«На севере диком стоит одиноко...»

На севере диком стоит одиноко
На голой вершине сосна
И дремлет, качаясь, и снегом сы-
пучим
Одета, как ризой, она.
И снится ей все, что в пустыне
далекой,
В том крае, где солнца восход,
Одна и грустна на утесе горячем
Прекрасная пальма растет.

«Прощай, немытая Россия...»

*Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, им преданный народ.
Быть может, за стеной Кавказа
Сокроюсь от твоих пашей,
От их всевидящего глаза,
От их всеслышащих ушей.*

Утес

*Ночевала тучка золотая
На груди утеса-великана;
Утром в путь она умчалась рано,
По лазури весело играя;
Но остался влажный след в мор-
щине
Старого утеса. Одиноко
Он стоит, задумался глубоко,
И тихонько плачет он в пустыне.*

Сон

*В полдневный жар в долине Дагестана
С свинцом в груди лежал недвижим я;
Глубокая еще дымилась рана,
По капле кровь точилась моя.
Лежал один я на песке долины;
Уступы скал теснились кругом,
И солнце жгло их желтые вершины
И жгло меня — но спал я мертвым сном.
И снился мне сияющий огнями
Вечерний пир в родимой стороне.
Меж юных жен, увенчанных цветами,
Шел разговор веселый обо мне.
Но в разговор веселый не вступая,
Сидела там задумчиво одна,
И в грустный сон душа ее младая
Бог знает чем была погружена;
И снилась ей долина Дагестана;
Знакомый труп лежал в долине той;
В его груди, дымясь, чернела рана,*

И кровь лилась хладяющей струей.

Листок

*Дубовый листок оторвался от
ветки родимой
И в степь укатился, жестокою
бурей гонимый;
Засох и увял он от холода, зноя и
горя
И вот, наконец, докатился до
Черного моря.
У Черного моря чинара стоит мо-
лодая;
С ней шепчется ветер, зеленые
ветви лаская;
На ветвях зеленых качаются рай-
ские птицы;
Поют они песни про славу мор-
ской царь-девицы.
И странник прижился у корня чи-
нары высокой;
Приюта на время он молит с
тоскою глубокой,
И так говорит он: «Я бедный ли-
сточек дубовый,
До срока созрел я и вырос в отчиз-*

не суровой.

Один и без цели по свету ношуся
давно я,
Засох я без тени, увял я без сна и
покоя.

Прими же пришельца меж ли-
стьев своих изумрудных,
Немало я знаю рассказов мудре-
ных и чудных».

«На что мне тебя? — отвечает
младая чинара, —

Ты пылен и желт — и сынам мо-
им свежим не пара.

Ты много видал — да к чему мне
твои небылицы?

Мой слух утомили давно уж и
райские птицы.

Иди себе дальше; о странник! те-
бя я не знаю!

Я солнцем любима, цвету для
него и блистаю;

По небу я ветви раскинула здесь
на просторе,

И корни мои умывает холодное
море».

«Выхожу один я на дорогу...»

Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь
блестит;
Ночь тиха. Пустыня внемлет Бо-
гу,
И звезда с звездою говорит.
В небесах торжественно и чудно!
Спит земля в сиянье голубом...
Что же мне так больно и так
трудно?
Жду ль чего? жалею ли о чем?
Уж не жду от жизни ничего я,
И не жаль мне прошлого ничуть;
Я ищу свободы и покоя!
Я б хотел забыться и заснуть!
Но не тем холодным сном моги-
лы...
Я б желал навеки так заснуть,
Чтоб в груди дремали жизни си-
лы,
Чтоб, дыша, вздымалась тихо
грудь;
Чтоб всю ночь, весь день мой слух
лелея,
Про любовь мне сладкий голос

*пел,
Надо мной чтоб, вечно зеленея,
Темный дуб склонялся и шумел.*

Благодарность

*За всё, за всё тебя благодарю я:
За тайные мучения страстей,
За горечь слез, отраву поцелуя,
За месть врагов и клевету друзей,
За жар души, растраченный в пустыне,
За всё, чем я обманут в жизни был...
Устрой лишь так, чтобы тебя
отныне
Недолго я еще благодарил.*

Морская царевна

*В море царевич купает коня;
Слышит: «Царевич! взгляни на
меня!»*

*Фыркает конь и ушами прядет,
Брызжет и плещет и дале плывет.*

*Слышит царевич: «Я царская дочь!
Хочешь провести ты с царевною
ночь?»*

*Вот показалась рука из воды,
Ловит за кисти шелковой узды.
Вышла младая потом голова,
В косу вплелась морская трава.
Синие очи любовью горят;
Брызги на шее, как жемчуг, дрожат.*

*Мыслит царевич: «Добро же! по-
стой!»*

*За косу ловко схватил он рукой.
Держит, рука боевая сильна:
Плачет и молит и бьется она.
К берегу витязь отважно плывет;
Выплыл; товарищей громко зовет;*

«Эй, вы! сходитесь, лихие друзья!

Гляньте, как бьется добыча
моя...

Что ж вы стоите смущенной
толпой?

Али красы не видали такой?»
Вот оглянулся царевич назад:
Ахнул! померк торжествующий
взгляд.

Видит: лежит на песке золотом
Чудо морское с зеленым хвостом;
Хвост чешуею змеиной покрыт,
Весь замирая, свиваясь, дрожит;
Пена струями сбегает с чела,
Очи одела смертельная мгла.

Бледные руки хватают песок;
Шепчут уста непонятный упрек...
Едет царевич задумчиво прочь.
Будет он помнить про царскую
дочь!

Пророк

*С тех пор как Вечный Судия
Мне дал всеведенье пророка,
В очах людей читаю я
Страницы злобы и порока.*

*Провозглашать я стал любви
И правды чистые ученья:
В меня все ближние мои
Бросали бешено каменья.*

*Посыпал пеплом я главу,
Из городов бежал я нищий,
И вот в пустыне я живу,
Как птицы, даром Божьей пищи;*

*Завет Предвечного храня,
Мне тварь покорна там земная;
И звезды слушают меня,
Лучами радостно играя.*

*Когда же через шумный град
Я пробираюсь торопливо,
То старцы детям говорят
С улыбкою самолюбивой:*

*«Смотрите: вот пример для вас!
Он горд был, не ужился с нами:
Глупец, хотел уверить нас,
Что Бог гласит его устами!»*

*Смотрите ж, дети, на него:
Как он угрюм, и худ, и бледен!
Смотрите, как он наг и беден,
Как презирают все его!»*

«Нет, не тебя так пылко я люблю...»

*Нет, не тебя так пылко я люблю,
Не для меня красы твоей блиста-
нье;
Люблю в тебе я прошлое страда-
нье
И молодость погибшую мою.
Когда порой я на тебя смотрю,
В твои глаза вникая долгим взо-
ром:
Таинственным я занят разгово-
ром,
Но не с тобой я сердцем говорю.
Я говорю с подругой юных дней,
В твоих чертах ищу черты дру-
гие,
В устах живых уста давно немые,*

В глазах огонь угаснувших очей.

Поэмы

Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова

*Ох ты гой еси, царь Иван Василье-
вич!
Про тебя нашу песню сложили
мы,
Про твоего любимого опричника
Да про смелого купца, про Калаш-
никова;
Мы сложили ее на старинный
лад,
Мы певали ее под гуслирный звон
И причитывали да присказывали.
Православный народ ею тешился,
А боярин Матвей Ромодановский
Нам чарку поднес меду пенного,
А боярыня его белолицая
Поднесла нам на блюде серебря-
ном
Полотенце новое, шелком шитое.
Угощали нас три дни, три ночи
И всё слушали — не наслушались.*

Не сияет на небе солнце красное,
Не любуются им тучки синие:
То за трапезой сидит во златом
венце,
Сидит грозный царь Иван Васи-
льевич.

Позади его стоят стольники,
Супротив его всё бояре да князья,
По бокам его всё опричники;
И пирует царь во славу Божию,
В удовольствии свое и веселие.
Улыбаясь, царь повелел тогда
Вина сладкого заморского
Нацедить в свой золоченый ковш
И поднести его опричникам.
— И все пили, царя славили.

Лишь один из них, из опричников,
Удалой боец, буйный молодец,
В золотом ковше не мочил усов;
Опустил он в землю очи темные,
Опустил головушку на широку
грудь —
А в груди его была дума крепкая.

Вот нахмурил царь брови черные
И навел на него очи зоркие,
Словно ястреб взглянул с высоты

небес
На младого голубя сизокрыло-
го, —
Да не поднял глаз молодой боец,
Вот об землю царь стукнул пал-
кою,
И дубовый пол на полчетверти
Он железным пробил оконечни-
ком —
Да не вздрогнул и тут молодой
боец.
Вот промолвил царь слово гроз-
ное —
И очнулся тогда добрый молодец.

«Гей ты, верный наш слуга, Кири-
беевич,
Аль ты думу затаил нечестивую?
Али славе нашей завидуешь?
Али служба тебе честная приску-
чила?
Когда всходит месяц — звезды ра-
дуются,
Что светлей им гулять по под-
нёбесью;
А которая в тучку прячется,
Та стремглав на землю падает...
Неприлично же тебе, Кирибеевич,

Царской радостью гнушатися;
А из роду ты ведь Скуратовых,
И семьею ты вскормлен Малютин-
ной!..»

Отвечает так Кирибеевич,
Царю грозному в пояс кланяясь:
«Государь ты наш, Иван Василье-
вич!

Не кори ты раба недостойного:
Сердца жаркого не залить вином,
Думу черную — не запотчевать!
А прогневал я тебя — воля цар-
ская:

Прикажи казнить, рубить голову,
Тяготит она плечи богатырские,
И сама к сырой земле она клонит-
ся».

И сказал ему царь Иван Василье-
вич:

«Да об чем тебе, молодцу, кручи-
ниться?»

Не истерся ли твой парчевой каф-
тан?

Не измялась ли шапка соболиная?

Не казна ли у тебя поистрати-
лась?

Иль зазубрилась сабля закален-
ная?

Или конь захромал, худо кован-
ный?

Или с ног тебя сбил на кулачном
бою,
На Москве-реке, сын купеческий?»

Отвечает так Кирибеевич,
Покачав головою кудрявою:
«Не родилась та рука заколдован-
ная
Ни в боярском роду, ни в купече-
ском;
Аргамак мой степной ходит весе-
ло;
Как стекло, горит сабля вострая;
А на праздничный день твоей ми-
лостью
Мы не хуже другого нарядимся.
Как я сяду поеду на лихом коне
За Москву-реку покатамся,
Кушачком подтянуся шелковым,
Заломлю набочок шапку бархат-
ную,
Черным соболем отороченную, —
У ворот стоят у тесовых
Красны девушки да молодушки
И любятся, глядя, перешепты-
ваясь;

Лишь одна не глядит, не любит-
ся,
Полосатой фатой закрывается...

На святой Руси, нашей матушке,
Не найти, не сыскать такой кра-
савицы:

Ходит плавно — будто лебедуш-
ка;

Смотрит сладко — как голубуш-
ка;

Молвит слово — соловей поет;

Горят щеки ее румяные,

Как заря на небе Божием;

Косы русые, золотистые,

В ленты яркие заплетенные,

По плечам бегут, извиваются,

С грудью белою целуются.

Во семье родилась она купеческой,

Прозывается Аленой Дмитрев-
ной.

Как увижу ее, я и сам не свой:

Опускаются руки сильные,

Помрачатся очи бойкие;

Скучно, грустно мне, православ-
ный царь,

Одному по свету маяться.

Опостыли мне кони легкие,
Опостыли наряды парчовые,
И не надо мне золотой казны:
С кем казною своей поделюсь те-
перь?

Перед кем покажу удальство
свое?

Перед кем я нарядом похваста-
юсь?

Отпусти меня в степи приволж-
ские,

На житье на вольное, на казац-
кое.

Уж сложу я там буйную головуш-
ку

И сложу на копье бусурманское;
И разделят по себе злы татаро-
вья

Коня доброго, саблю острую
И седельце браное черкасское.

Мои очи слезные коршун выклю-
ет,

Мои кости сирые дождик вымо-
ет,

И без похорон горемычный прах
На четыре стороны развеется!..»
И сказал, смеясь, Иван Василье-
вич:

«Ну, мой верный слуга! я твоей беде,
Твоему горю пособить постараюсь.
Вот возьми перстенок ты мой
яхонтовый
Да возьми ожерелье жемчужное.
Прежде свахе смышленной поклоняйся
И пошли дары драгоценные
Ты своей Алене Дмитриевне:
Как полюбишься — праздную свадьбу,
Не полюбишься — не прогневайся».

Ох ты гой еси, царь Иван Васильевич!
Обманул тебя твой лукавый раб,
Не сказал тебе правды истинной,
Не поведал тебе, что красавица
В церкви Божией перевенчана,
Перевенчана с молодым купцом
По закону нашему христианскому.

Ай, ребята, пойте — только гусли
стройте!
Ай, ребята, пейте — дело разу-

мейте!

Уж потешьте вы доброго боярина
И боярыню его белолицую!

За прилавкою сидит молодой ку-
пец,
Статный молодец Степан Пара-
монович,
По прозванию Калашников;
Шелковые товары раскладывает,
Речью ласковой гостей он замани-
вает,
Злато, серебро пересчитывает.
Да недобрый день задался ему:
Ходят мимо баре богатые,
В его лавочку не заглядывают.
Отзвонили вечерню во святых
церквах;
За Кремлем горит заря туман-
ная,
Набегают тучки на небо, —
Гонит их метелица распеваючи;
Опустел широкий гостиный двор,
Запирает Степан Парамонович
Свою лавочку дверью дубовую
Да замком немецким со пружи-
ною;
Злого пса-ворчуна зубастого

На железную цепь привязывает,
И пошел он домой, призадумав-
шись,
К молодой хозяйке за Москву-реку.
И приходит он в свой высокий
дом,
И дивится Степан Парамонович:
Не встречает его молода жена,
Не накрыт дубовый стол белой
скатертью,
А свеча перед образом еле теп-
лится.
И кличет он старую работницу:
«Ты скажи, скажи, Еремеевна,
А куда девалась, затаилась
В такой поздний час Алена Дмит-
ревна?
А что детки мои любезные —
Чай, забегались, заигрались,
Спозаранку спать уложились?»
«Господин ты мой, Степан Парамо-
нович,
Я скажу тебе диво дивное:
Что к вечерне пошла Алена
Дмитревна;
Вот уж поп прошел с молодой по-
падьей,
Засветили свечу, сели ужи-

нать, —

А по сю пору твоя хозяйюшка
Из приходской церкви не вернула-
ся.

А что детки твои малые
Почивать не легли, не играть по-
шли —

Плачем плачут, всё не унимают-
ся».

И смутился тогда думой креп-
кою

Молодой купец Калашников;
И он стал к окну, глядит на ули-
цу —

А на улице ночь темнехонька;
Валит белый снег, расстилагается,
Замечает след человеческий.

Вот он слышит, в сенях дверью
хлопнули,

Потом слышит шаги торопли-
вые;

Обернулся, глядит — сила крест-
ная! —

Перед ним стоит молода жена,
Сама бледная, простоволосая,

Косы русые расплетенные
Снегом-инеем пересыпаны;

Смотрят очи мутные, как безум-

ные;
Уста шепчут речи непонятные.
«Уж ты где, жена, жена, шаталася?
На каком подворье, на площади,
Что растрепаны твои волосы,
Что одежда твоя вся изорвана?
Уж гуляла ты, пировала ты,
Чай, с сынками все боярскими!..
Не на то пред святыми иконами
Мы с тобой, жена, обручались,
Золотыми кольцами менялись!..
Как запру я тебя за железный замок,
За дубовую дверь окованную,
Чтобы свету Божьего ты не видела,
Моя имя честное не порочила...»
И, услышав то, Алена Дмитриевна
Задрожала вся, моя голубушка,
Затряслась как листочек осино-
вый,
Горько-горько она восплакалась,
В ноги мужу повалилася.

«Государь ты мой, красно солнышко,
Иль убей меня, или выслушай!

Твои речи — будто острый нож;
От них сердце разрывается.
Не боюсь смерти лютыя,
Не боюсь я людской молвы,
А боюсь твоей немилости.

От вечерни домой шла я нонече
Вдоль по улице одинешенька.
И слышалось мне, будто снег
хрустит;
Оглянулася — человек бежит.
Мои ноженьки подкосились,
Шелковой фатой я закрылася.
И он сильно схватил меня за руки
И сказал мне так тихим шепотом:
„Что пужаешься, красная красавица?
Я не вор какой, душегуб лесной,
Я слуга царя, царя грозного,
Прозываюся Кирибеевичем,
А из славной семьи из Малютинной...“
Испугалась я пуще прежнего;
Закружилась моя бедная головушка.
И он стал меня целовать-ласкать

И, цалуя, все приговаривал:
„Отвечай мне, чего тебе надобно,
Моя милая, драгоценная!
Хочешь золота али жемчугу?
Хочешь ярких камней аль цвет-
ной парчи?
Как царицу я наряжу тебя,
Станут все тебе завидовать,
Лишь не дай мне умереть смер-
тью грешною:
Полюби меня, обними меня
Хоть единый раз на прощание!“

И ласкал он меня, цаловал меня;
На щеках моих и теперь горят,
Живым пламенем разливаются
Поцалуи его окаянные...
А смотрели в калитку соседушки,
Смеючись, на нас пальцем показы-
вали...
Как из рук его я рванулася
И домой стремглав бежать бро-
силась;
И остались в руках у разбойника
Мой узорный платок, твой пода-
рочек,
И фата моя бухарская.
Опозорил он, осрамил меня,

Меня честную, непорочную, —
И что скажут злые соседушки,
И кому на глаза покажусь те-
перь?

Ты не дай меня, свою верную же-
ну,

Злым охульникам в поругание!
На кого, кроме тебя, мне наде-
яться?

У кого просить стану помощи?
На белом свете я сиротинушка:
Родной батюшка уж в сырой зем-
ле,

Рядом с ним лежит моя матуш-
ка,

А мой старший брат, сам ты ве-
даешь,

На чужой сторонущке пропал без
вести,

А меньшей мой брат — дитя ма-
лое,

Дитя малое, неразумное...»

Говорила так Алена Дмитриевна,
Горючьми слезами заливалась.

Посылает Степан Парамонович
За двумя меньшими братьями;
И пришли его два брата, поклони-
лись

И такое слово ему молвили:
«Ты поведай нам, старшой наш
брат,
Что с тобой случилось, приключи-
лось,
Что послал ты за нами во тем-
ную ночь,
Во темную ночь морозную?»

«Я скажу вам, братцы любезные,
Что лиха беда со мною приключи-
лась:
Опозорил семью нашу честную
Злой опричник царский Кирибее-
вич;
А такой обиды не стерпеть душе
Да не вынести сердцу молодецко-
му.
Уж как завтра будет кулачный
бой
На Москве-реке при самом царе,
И я выйду тогда на опричника,
Буду насмерть биться, до послед-
них сил;
А побьет он меня — выходите вы
За святую правду-матушку.
Не сробейте, братцы любезные!
Вы моложе меня, свежэй силою,

*На вас меньше грехов накопилось,
Так авось Господь вас помилует!»*

*И в ответ ему братья молвили:
«Куда ветер дует в поднёбесьи,
Туда мчатся и тучки послушные,
Когда сизый орел зовет голосом
На кровавую долину побоища,
Зовет пир пировать, мертвецов
убирать,
К нему малые орлята слетают-
ся:*

*Ты наш старший брат, нам вто-
рой отец;
Делай сам, как знаешь, как веда-
ешь,
А уж мы тебя, родного, не выда-
дим».*

*Ай, ребята, пойте — только гусли
стройте!*

*Ай, ребята, пейте — дело разу-
мейте!*

*Уж потешьте вы доброго боярина
И боярыню его белолицую!*

*Над Москвой великой, златогла-
вою,*

Над стеной кремлевской белока-
менной
Из-за дальних лесов, из-за синих
гор,
По тесовым кровелькам играючи,
Тучки серые разгоняючи,
Заря алая подымается;
Разметала кудри золотистые,
Умывается снегами рассыпчаты-
ми,
Как красавица, глядя в зеркальце,
В небо чистое смотрит, улыба-
ется.
Уж зачем ты, алая заря, просыпа-
лася?
На какой ты радости разыграла-
ся?
Как сходились, собирались
Удалые бойцы московские
На Москву-реку, на кулачный бой,
Разгуляться для праздника, поте-
шиться.
И приехал царь со дружиною,
Со боярами и опричниками,
И велел растянуть цепь серебря-
ную,
Чистым золотом в кольцах спа-
янную.

Оцепили место в двадцать пять
сажень,
Для охотничьего бою, одиночно-
го.

И велел тогда царь Иван Василье-
вич

Клич кликать звонким голосом:
«Ой, уж где вы, добрые молодцы?
Вы потешьте царя нашего ба-
тюшку!

Выходите-ка во широкий круг;
Кто побьет кого, того царь на-
градит;

А кто будет побит, тому Бог
простит!»

И выходит удалой Кирибеевич,
Царю в пояс молча кланяется,
Скидает с могучих плеч шубу бар-
хатную,

Подпершился в бок рукою правою,
Поправляет другой шапку алую,
Ожидает он себе противника...

Трижды громкий клич проклика-
ли —

Ни один боец и не тронулся,
Лишь стоят да друг друга потал-
кивают.

На просторе опричник похаживает,
Над плохими бойцами подсмеивает:
«Присмирели, небось, призадумались!
Так и быть, обещаюсь, для праздника,
Отпущу живого с покаянием,
Лишь потешу царя нашего батюшку».

Вдруг толпа раздалась в обе стороны —
И выходит Степан Парамонович,
Молодой купец, удалой боец,
По прозванию Калашников.
Поклонился прежде царю грозному,
После белому Кремлю да святым церквам,
А потом всему народу русскому.
Горят очи его соколиные,
На опричника смотрит пристально.
Супротив него он становится,
Боевые рукавицы натягивает,
Могутные плечи распрямливает

Да кудряву бороду поглаживает.

*И сказал ему Кирибеевич:
«А поведай мне, добрый молодец,
Ты какого роду-племени,
Каким именем прозываешься?
Чтобы знать, по ком панихиду
служить,
Чтобы было чем и похвастать-
ся».*

*Отвечает Степан Парамонович:
«А зовут меня Степаном Калаш-
никовым,
А родился я от честнова отца,
И жил я по закону Господнему:
Не позорил я чужой жены,
Не разбойничал ночью темною,
Не таился от свету небесного...
И промолвил ты правду истин-
ную:
По одном из нас будут панихиду
петь,
И не позже как завтра в час полу-
денный;
И один из нас будет хвастаться,
С удалыми друзьями пируючи...
Не шутку шутить, не людей сме-*

шить

К тебе вышел я теперь, басурманский сын, —

Вышел я на страшный бой, на последний бой!»

И, услышав то, Кирибеевич
Побледнел в лице, как осенний снег;

Бойки очи его затуманились,
Между сильных плеч пробежал мороз,

На раскрытых устах слово замерло...

Вот молча оба расходятся, —
Богатырский бой начинается.

Размахнулся тогда Кирибеевич
И ударил впервой купца Калашникова,

И ударил его посередь груди —
Затрещала грудь молодецкая,
Пошатнулся Степан Парамонович;

На груди его широкой висел медный крест

Со святыми мощами из Киева, —
И погнулся крест и вдавился в грудь;

Как роса из-под него кровь закапа-

ла;
И подумал Степан Парамонович:
«Чему быть суждено, то и сбудется;
Постою за правду до последнева!»
Изловчился он, приготовился,
Собрался со всею силою
И ударил своего ненавистника
Прямо в левый висок со всего плеча.
И опричник молодой застонал
слегка,
Закачался, упал замертво;
Повалился он на холодный снег,
На холодный снег, будто сосенка,
Будто сосенка, во сыром бору
Под смолистый под корень подрубленная.
И, увидев то, царь Иван Васильевич
Прогневался гневом, топнул о землю
И нахмурил брови черные;
Повелел он схватить удалова купца
И привести его пред лицо свое.

Как возгóворил православный

царь:
«Отвечай мне по правде, по сове-
сти,
Вольной волею или нехотя
Ты убил насмерть мово верного
слугу,
Мово лучшего бойца Кирибееви-
ча?»»

«Я скажу тебе, православный
царь:
Я убил его вольной волею,
А за что, про что — не скажу те-
бе,
Скажу только Богу единому.
Прикажи меня казнить — и на
плаху несть
Мне головушку повинную;
Не оставь лишь малых детушек,
Не оставь молодую вдову
Да двух братьев моих своей мило-
стью...»

«Хорошо тебе, детинушка,
Удалой боец, сын купеческий,
Что ответ держал ты по сове-
сти.
Молодую жену и сирот твоих

Из казны моей я пожалую,
Твоим братьям велю от сего же
дня
По всему царству русскому широ-
кому
Торговать безданно, беспошлин-
но.
А ты сам ступай, детинушка,
На высокое место лобное,
Сложи свою буйную головушку.
Я топор велю наточить-наост-
рить,
Палача велю одеть-нарядить,
В большой колокол прикажу зво-
нить,
Чтобы знали все люди москов-
ские,
Что и ты не оставлен моей ми-
лостью...»

Как на площади народ собирает-
ся,
Заунывный гудит-воет колокол,
Разглашает всюду весть недоб-
рую.
По высокому месту лобному
Во рубахе красной с яркой запон-
кой,

С большим топором наострен-
ным,
Руки голые потираючи,
Палач весело похаживает,
Удалова бойца дожидается, —
А лихой боец, молодой купец,
Со родными братьями прощает-
ся:

«Уж вы, братцы мои, друзья кров-
ные,
Поцалуемтесь да обнимемтесь
На последнее расставание.
Поклонитесь от меня Алене
Дмитревне,
Закажите ей меньше печалиться,
Про меня моим детушкам не ска-
зывать;
Поклонитесь дому родительско-
му,
Поклонитесь всем нашим това-
рищам,
Помолитесь сами в церквѣ Божи-
ей
Вы за душу мою, душу грешную!»

И казнили Степана Калашникова
Смертью лютою, позорною;

*И головушка бесталанная
Во крови на плаху покати́лася.*

*Схоронили его за Москвой-рекой,
На чистом поле промеж трех до-
рог:
Промеж Тульской, Рязанской, Вла-
димирской,
И бугор земли сырой тут насыпа-
ли,
И кленовый крест тут постави-
ли.
И гуляют-шумят ветры буйные
Над его безымянной могилкою.
И проходят мимо люди добрые:
Пройдет стар человек — перекре-
стится,
Пройдет молодец — приосанится,
Пройдет девица — пригорюнится,
А пройдут гусяры — споют пе-
сенку.*

*Гей вы, ребята удалые,
Гусяры молодые,
Голоса заливные!
Красно начинали — красно и кон-
чайте,
Каждому правдою и честью воз-*

дайте.
Тороватому боярину слава!
И красавице боярыне слава!
И всему народу христианскому
слава!

Демон

Восточная повесть

Часть I

Печальный Демон, дух изгнанья,
Летал над грешною землей,
И лучших дней воспоминанья
Пред ним теснились толпой;
Тех дней, когда в жилище света
Блистал он, чистый херувим,
Когда бегущая комета
Улыбкой ласковой привета
Любила поменяться с ним,
Когда сквозь вечные туманы,
Познанья жадный, он следил
Кочующие караваны
В пространстве брошенных све-
тил;
Когда он верил и любил,
Счастливый первенец творенья!
Не знал ни злобы, ни сомненья,

И не грозил уму его
Веков бесплодных ряд унылый...
И много, много... и всего
Припомнить не имел он силы!

Давно отверженный блуждал
В пустыне мира без приюта:
Вослед за веком век бежал,
Как за минутою минута,
Однообразной чередой.
Ничтожной властвуя землей,
Он сеял зло без наслажденья.
Нигде искусству своему
Он не встречал сопротивленья —
И зло наскучило ему.

И над вершинами Кавказа
Изгнанник рая пролетал:
Под ним Казбек, как грань алма-
за,
Снегами вечными сиял,
И, глубоко внизу чернея,
Как трещина, жилище змея,
Вился излучистый Дарьял,
И Терек, прыгая, как львица
С косматой гривой на хребте,
Ревел, — и горный зверь и птица,
Кружась в лазурной высоте,

Глаголу вод его внимали;
И золотые облака
Из южных стран, издалека
Его на север провожали;
И скалы тесною толпой,
Таинственной дремоты полны,
Над ним склонялись головой,
Следя мелькающие волны;
И башни замков на скалах
Смотрели грозно сквозь туманы —

У врат Кавказа на часах
Сторожевые великаны!
И дик и чуден был вокруг
Весь Божий мир; но гордый дух
Презрительным окинул оком
Творенье Бога своего,
И на челе его высоком
Не отразилось ничего.

И перед ним иной картины
Красы живые расцвели:
Роскошной Грузии долины
Ковром раскинулись вдали;
Счастливый, пышный край земли!
Столпообразные раины,
Звонко-бегущие ручьи
По дну из камней разноцветных,

И кущи роз, где соловьи
Поют красавиц, безответных
На сладкий голос их любви;
Чинар развесистые сени,
Густым венчаные плющом,
Пещеры, где палящим днем
Таятся робкие олени;
И блеск, и жизнь, и шум листов,
Стозвучный говор голосов,
Дыханье тысячи растений!
И полдня сладострастный зной,
И ароматною росой
Всегда увлажненные ночи,
И звезды яркие, как очи,
Как взор грузинки молодой!..
Но, кроме зависти холодной,
Природы блеск не возбудил
В груди изгнанника бесплодной
Ни новых чувств, ни новых сил;
И все, что пред собой он видел,
Он презирал иль ненавидел.

Высокий дом, широкий двор
Седой Гудал себе построил...
Трудов и слез он много стоил
Рабам послушным с давних пор.
С утра на скат соседних гор
От стен его ложатся тени.

В скале нарублены ступени;
Они от башни угловой
Ведут к реке, по ним мелькая,
Покрыта белою чадрой[1],
Княжна Тамара молодая
К Арагве ходит за водой.

Всегда безмолвно на долины
Глядел с утеса мрачный дом;
Но пир большой сегодня в нем —
Звучит зурна[2], и льются вины —
Гудал сосватал дочь свою,
На пир он созвал всю семью.
На кровле, устланной коврами,
Сидит невеста меж подруг:
Средь игр и песен их досуг
Проходит. Дальними горами
Уж спрятан солнца полукруг;

В ладони мерно ударяя,
Они поют — и бубен свой
Берет невеста молодая.
И вот она, одной рукой
Кружа его над головой,
То вдруг помчится легче птицы,
То остановится, глядит —
И влажный взор ее блестит
Из-под завистливой ресницы;

То черной бровью поведет,
То вдруг наклонится немножко,
И по ковру скользит, плывет
Ее божественная ножка;
И улыбается она,
Веселья детского полна.
Но луч луны, по влаге зыбкой
Слегка играющий порой,
Едва ль сравнится с той улыбкой,
Как жизнь, как молодость, жи-
вой.

Клянусь полночною звездой,
Лучом заката и востока,
Властитель Персии златой
И ни единый царь земной
Не целовал такого ока;
Гарема брызжущий фонтан
Ни разу жаркою порою
Своей жемчужною росой
Не омывал подобный стан!
Еще ничья рука земная,
По милому челу блуждая,
Таких волос не расплела;
С тех пор как мир лишился рая,
Клянусь, красавица такая
Под солнцем юга не цвела.

В последний раз она плясала.
Увы! заутра ожидала
Ее, наследницу Гудала,
Свободы резвую дитя,
Судьба печальная рабыни,
Отчизна, чуждая поныне,
И незнакомая семья.
И часто тайное сомненье
Темнило светлые черты;
И были все ее движенья
Так стройны, полны выраженья,
Так полны милой простоты,
Что если б Демон, пролетая,
В то время на нее взглянул,
То, прежних братьий вспоминая,
Он отвернулся б — и вздохнул...

И Демон видел... На мгновенье
Неизъяснимое волненье
В себе почувствовал он вдруг,
Немой души его пустыню
Наполнил благодатный звук —
И вновь постигнул он святыню
Любви, добра и красоты!
И долго сладостной картиной
Он любовался — и мечты
О прежнем счастье цепью длин-
ной,

Как будто за звездой звезда,
Пред ним катилися тогда.
Прикованный незримой силой,
Он с новой грустью стал знаком;
В нем чувство вдруг заговорило
Родным когда-то языком.
То был ли признак возрожденья?
Он слов коварных искушенья
Найти в уме своем не мог...
Забуть? — забвенья не дал Бог:
Да он и не взял бы забвенья!..

.....

Измучив доброго коня,
На брачный пир к закату дня
Спешил жених нетерпеливый.
Арагвы светлой он счастливо
Достиг зеленых берегов.
Под тяжелой ношею даров
Едва, едва переступая,
За ним верблюдов длинный ряд
Дорогой тянется, мелькая:
Их колокольчики звенят.
Он сам, властитель Синодала,
Ведет богатый караван.
Ремнем затянут ловкий стан;
Оправа сабли и кинжала
Блестит на солнце; за спиной

Ружье с насечкой вырезной.
Играет ветер рукавами
Его чухи[3], — кругом она
Вся галуном обложена.
Цветными вышито шелками
Его седло; узда с кистями;
Под ним весь в мыле конь лихой
Бесценной масти, золотой.
Питомец резвый Карабаха
Прядет ушьми и, полный страха,

Храпя косится с крутизны
На пену скачущей волны.
Опасен, узок путь прибрежный!
Утесы с левой стороны,
Направо глубь реки мятежной.
Уж поздно. На вершине снежной
Румянец гаснет; встал туман...
Прибавил шагу караван.

И вот часовня на дороге...
Тут с давних лет почитет в Боге
Какой-то князь, теперь святой,
Убитый мстительной рукой.
С тех пор на праздник иль на бит-
ву,
Куда бы путник ни спешил,
Всегда усердную молитву

Он у часовни приносил;
И та молитва сберегала
От мусульманского кинжала.
Но презрел удалой жених
Обычай прадедов своих.
Его коварною мечтою
Лукавый Демон возмущал:
Он в мыслях, под ночью тьмою,
Уста невесты целовал.
Вдруг впереди мелькнули двое,
И больше — выстрел! — что та-
кое?..

Привстав на звонких[4] стре-
менах,
Надвинув на брови папах[5],
Отважный князь не молвил сло-
ва;
В руке сверкнул турецкий ствол,

Нагайка щелк — и, как орел,
Он кинулся... и выстрел снова!
И дикий крик и стон глухой
Промчались в глубине долины —
Недолго продолжался бой:
Бежали робкие грузины!

Затихло все; теснясь толпой,
На трупы всадников порой

Верблюды с ужасом глядели;
И глухо в тишине степной
Их колокольчики звенели.
Разграблен пышный караван;
И над телами христиан
Чертит круги ночная птица!
Не ждет их мирная гробница
Под слоем монастырских плит,
Где прах отцов их был зарыт;
Не придут сестры с матерями,
Покрыты длинными чадрами,
С тоской, рыданьем и мольбами,
На гроб их из далеких мест!
Зато усердною рукою
Здесь у дороги, над скалою
На память водрузится крест;
И плющ, разросшийся весною,
Его, ласкаясь, обовьет
Своею сеткой изумрудной;
И, своротив с дороги трудной,
Не раз усталый пешеход
Под Божьей тенью отдохнет...

Несется конь быстрее лани,
Храпит и рвется, будто к брани;
То вдруг осадит на скаку,
Прислушается к ветерку,
Широко ноздри раздувая;

То, разом в землю ударяя
Шипами звонкими копыт,
Взмахнув растрепанною гривой,
Вперед без памяти летит.
На нем есть всадник молчали-
вый!

Он бьется на седле порой,
Припав на гриву головой.
Уж он не правит поводами,
Задвинул ноги в стремяна,
И кровь широкими струями
На чепраке его видна.
Скакун лихой, ты господина
Из боя вынес, как стрела,
Но злая пуля осетина
Его во мраке догнала!

В семье Гудала плач и стоны,
Толпится на дворе народ:
Чей конь примчался запаленный
И пал на камни у ворот?
Кто этот всадник бездыханный?
Хранили след тревоги бранной
Морщины смуглого чела.
В крови оружие и платье;
В последнем бешеном пожатье
Рука на гриве замерла.
Недолго жениха молодого,

Невеста, взор твой ожидал:
Сдержал он княжеское слово,
На брачный пир он прискакал...
Увы! но никогда уж снова
Не сядет на коня лихого!..

На беззаботную семью
Как гром слетела Божья кара!
Упала на постель свою,
Рыдает бедная Тамара;
Слеза катится за слезой,
Грудь высоко и трудно дышит;
И вот она как будто слышит
Волшебный голос над собой:
«Не плачь, дитя! не плачь напрасно!
Твоя слеза на труп безгласный
Живой росой не упадет:
Она лишь взор туманит ясный,
Ланиты девственные жжет!
Он далеко, он не узнает,
Не оценит тоски твоей;
Небесный свет теперь ласкает
Бесплотный взор его очей;
Он слышит райские напевы...
Что жизни мелочные сны,
И стон и слезы бедной девы
Для гостя райской стороны?»

Нет, жребий смертного творенья,
Поверь мне, ангел мой земной,
Не стоит одного мгновенья
Твоей печали дорогой!

На воздушном океане,
Без руля и без ветрил,
Тихо плавают в тумане
Хоры стройные светил;
Средь полей необозримых
В небе ходят без следа
Облаков неуловимых
Волокнистые стада.
Час разлуки, час свиданья —
Им ни радость, ни печаль;
Им в грядущем нет желанья
И прошедшего не жаль.
В день томительный несчастья
Ты об них лишь вспомяни;
Будь к земному без участия
И беспечна, как они!
Лишь только ночь своим покровом
Верхи Кавказа осенит,
Лишь только мир, волшебным
словом
Завороженный, замолчит;

Лишь только ветер над скалою
Увядшей шевельнет травую,
И птичка, спрятанная в ней,
Порхнет во мраке веселей;
И под лозою виноградной,
Росу небес глотая жадно,
Цветок распухнет ночью;
Лишь только месяц золотой
Из-за горы тихонько встанет
И на тебя украдкой взглянет, —
К тебе я стану прилетать;
Гостить я буду до денницы
И на шелковые ресницы
Сны золотые навевать...»

Слова умолкли в отдаленье,
Вослед за звуком умер звук.
Она, вскочив, глядит вокруг...
Невыразимое смятенье
В ее груди; печаль, испуг,
Восторга пыл — ничто в сравне-
нье.
Все чувства в ней кипели вдруг;
Душа рвала свои оковы,
Огонь по жилам пробежал,
И этот голос чудно-новый,
Ей мнилось, все еще звучал.
И перед утром сон желанный

Глаза усталые смежил;
Но мысль ее он возмутил
Мечтой пророческой и странной.
Пришлец туманный и немой,
Красой блистая неземной,
К ее склонился изголовью;
И взор его с такой любовью,
Так грустно на нее смотрел,
Как будто он об ней жалел.
То не был ангел-небожитель,
Ее божественный хранитель:
Венец из радужных лучей
Не украшал его кудрей.
То не был ада дух ужасный,
Порочный мученик — о нет!
Он был похож на вечер ясный:
Ни день, ни ночь, — ни мрак, ни свет!..

Часть II

«Отец, отец, оставь угрозы,
Свою Тамару не брани;
Я плачу: видишь эти слезы,
Уже не первые они.
Напрасно женихи толпою
Спешат сюда из дальних мест...
Немало в Грузии невест;
А мне не быть ничьей женою!..

О, не брани, отец, меня.
Ты сам заметил: день от дня
Я вяну, жертва злой отравы!
Меня терзает дух лукавый
Неотразимую мечтой;
Я гибну, сжался надо мной!
Отдай в священную обитель
Дочь безрассудную свою;
Там защитит меня Спаситель,
Пред ним тоску мою пролью.
На свете нет уж мне веселья...
Святыни миром осеня,
Пусть примет сумрачная келья,
Как гроб, заранее меня...»

И в монастырь уединенный
Ее родные отвезли,
И власяницею смиренной
Грудь молодую облекли.
Но и в монашеской одежде,
Как под узорною парчой,
Все беззаконною мечтой
В ней сердце билось, как прежде.
Пред алтарем, при блеске свеч,
В часы торжественного пенья,
Знакомая, среди моленья,
Ей часто слышалася речь.
Под сводом сумрачного храма

Знакомый образ иногда
Скользил без звука и следа
В тумане легком фимиама;
Сиял он тихо, как звезда;
Манил и звал он... но — куда?..

В прохладе меж двумя холмами
Таился монастырь святой.
Чинар и тополей рядами
Он окружен был — и порой,
Когда ложилась ночь в ущелье,
Сквозь них мелькала, в окнах кельи,
Лампада грешницы молодой.
Кругом, в тени деревьев миндальных,
Где ряд стоит крестов печальных,
Безмолвных сторожей гробниц,
Спевались хоры легких птиц,
По камням прыгали, шумели
Ключи студеною волной,
И под нависшею скалой,
Сливаясь дружески в ущелье,
Катились дальше, меж кустов,
Покрытых инеем цветов.

На север видны были горы.
При блеске утренней Авроры,

Когда синеющий дымок
Курится в глубине долины,
И, обращаясь на восток,
Зовут к молитве муэдзины,
И звучный колокола глас
Дрожит, обитель пробуждая;
В торжественный и мирный час,
Когда грузинка молодая
С кувшином длинным за водой
С горы спускается крутой,
Вершины цепи снеговой
Светло-лиловою стеной
На чистом небе рисовались
И в час заката одевались
Они румяной пеленой;
И между них, прорезав тучи,
Стоял, всех выше головой,
Казбек, Кавказа царь могучий,
В чалме и ризе парчевой.

Но, полно думою преступной,
Тамары сердце недоступно
Восторгам чистым. Перед ней
Весь мир одет угрюмой тенью;
И все ей в нем предлог мученью —
И утра луч и мрак ночей.
Бывало, только ночи сонной
Прохлада землю обоймет,

Перед божественной иконой
Она в безумье упадет
И плачет; и в ночном молчанье
Ее тяжелое рыданье
Тревожит путника вниманье;
И мыслит он: «То горный дух
Прикованный в пещере стонет!»
И, чуткий напрягая слух,
Коня измученного гонит.

Тоской и трепетом полна,
Тамара часто у окна
Сидит в раздумье одиноком
И смотрит вдаль прилежным
оком,
И целый день, вздыхая, ждет...
Ей кто-то шепчет: он придет!
Недаром сны ее ласкали,
Недаром он являлся ей,
С глазами, полными печали,
И чудной нежностью речей.
Уж много дней она томится,
Сама не зная почему;
Святым захочет ли молиться —
А сердце молится ему;
Утомлена борьбой всегдашней,
Склонится ли на ложе сна:
Подушка жжет, ей душно, страш-

но,
И вся, вскочив, дрожит она;
Пылают грудь ее и плечи,
Нет сил дышать, туман в очах,
Объятая жадно ищут встречи,
Лобзанья тают на устах...

.....

.....

Вечерней мглы покров воздушный
Уж холмы Грузии одел.
Привычке сладостной послушный,
В обитель Демон прилетел.
Но долго, долго он не смел
Святыню мирного приюта
Нарушить. И была минута,
Когда казался он готов
Оставить умысел жестокой.
Задумчив у стены высокой
Он бродит: от его шагов
Без ветра лист в тени трепещет.
Он поднял взор: ее окно,
Озарено лампадой, блещет;
Кого-то ждет она давно!
И вот средь общего молчанья
Чингура[6] стройное бряцанье
И звуки песни раздались;
И звуки те лились, лились,

Как слезы, мерно друг за другом;

И эта песнь была нежна,
Как будто для земли она
Была на небе сложена!
Не ангел ли с забытым другом
Вновь повидаться захотел,
Сюда украдкою слетел
И о былом ему пропел,
Чтоб усладить его мученье?..
Тоску любви, ее волненье
Постигнул Демон в первый раз;
Он хочет в страхе удалиться...
Его крыло не шевелится!
И, чудо! из померкших глаз
Слеза тяжелая катится...
Поньне возле кельи той
Насквозь прожженный виден ка-
мень
Слезою жаркою, как пламень,
Нечеловеческой слезой!..

И входит он, любить готовый,
С душой, открытой для добра,
И мыслит он, что жизни новой
Пришла желанная пора.
Неясный трепет ожиданья,
Страх неизвестности немой,

Как будто в первое свиданье
Спознались с гордою душой.
То было злое предвещанье!
Он входит, смотрит — перед ним
Посланник рая, херувим,
Хранитель грешницы прекрасной,
Стоит с блистающим челом
И от врага с улыбкой ясной
Приосенил ее крылом;
И луч божественного света
Вдруг ослепил нечистый взор,
И вместо сладкого привета
Раздался тягостный укор:

«Дух беспокойный, дух порочный,
Кто звал тебя во тьме полноч-
ной?

Твоих поклонников здесь нет,
Зло не дышало здесь поныне;
К моей любви, к моей святыне
Не пролагай преступный след.
Кто звал тебя?»

Ему в ответ
Злой дух коварно усмехнулся;
Зарделся ревностью взгляд;
И вновь в душе его проснулся
Старинной ненависти яд.

«Она моя! — сказал он грозно, —

Оставь ее, она моя!
Явился ты, защитник, поздно,
И ей, как мне, ты не судья.
На сердце, полное гордыни,
Я наложил печать мою;
Здесь больше нет твоей святыни,
Здесь я владею и люблю!»
И Ангел грустными очами
На жертву бедную взглянул
И медленно, взмахнув крылами,
В эфире неба потонул.

О! кто ты? речь твоя опасна!
Тебя послал мне ад иль рай?
Чего ты хочешь?..

Ты прекрасна!

Но молви, кто ты? отвечай...

Я тот, которому внимала
Ты в полуночной тишине,
Чья мысль душе твоей шептала,
Чью грусть ты смутно отгадала,
Чей образ видела во сне.
Я тот, чей взор надежду губит;
Я тот, кого никто не любит;
Я бич рабов моих земных,
Я царь познанья и свободы,
Я враг небес, я зло природы,

И, видишь, — я у ног твоих!
Тебе принес я в умиление
Молитву тихую любви,
Земное первое мученье
И слезы первые мои.
О! выслушай — из сожаленья!
Меня добру и небесам
Ты возратить могла бы словом.
Твоей любви святым покровом
Одетый, я предстал бы там,
Как новый ангел в блеске новом;
О! только выслушай, молю, —
Я раб твой, — я тебя люблю!
Лишь только я тебя увидел —
И тайно вдруг возненавидел
Бессмертные и власть мою.
Я позавидовал невольно
Неполной радости земной;
Не жить, как ты, мне стало
больно,
И страшно — розно жить с то-
бой.
В бескровном сердце луч неждан-
ный
Опять затеплился живей,
И грусть на дне старинной раны
Зашевелилася, как змей.
Что без тебя мне эта вечность?

Моих владений бесконечность?
Пустые звучные слова,
Обширный храм — без божества!

Оставь меня, о дух лукавый!
Молчи, не верю я врагу...
Творец... Увы! я не могу
Молиться... гибельной отравой
Мой ум слабеющий объят!
Послушай, ты меня погубишь;
Твои слова — огонь и яд...
Скажи, зачем меня ты любишь!

Зачем, красавица? Увы,
Не знаю!.. Полон жизни новой,
С моей преступной головы
Я гордо снял венец терновый,
Я все бывшее бросил в прах:
Мой рай, мой ад в твоих очах.
Люблю тебя нездешней стра-
стью,
Как полюбить не можешь ты:
Всем упоением, всей властью
Бессмертной мысли и мечты.
В душе моей, с начала мира,
Твой образ был напечатлен,
Передо мной носился он
В пустынях вечного эфира.
Давно тревожа мысль мою,

Мне имя сладкое звучало;
Во дни блаженства мне в раю
Одной тебя недоставало.
О! если б ты могла понять,
Какое горькое томленьё
Всю жизнь, века без разделенья
И наслаждаться и страдать,
За зло похвал не ожидать,
Ни за добро вознагражденья;
Жить для себя, скучать собой
И этой вечною борьбой
Без торжества, без примиренья!
Всегда жалеть и не желать,
Все знать, все чувствовать, все
видеть,
Стараться все возненавидеть
И все на свете презирать!..
Лишь только Божие проклятьё
Исполнилось, с того же дня
Природы жаркие объятья
Навек остыли для меня;
Синело предо мной пространство;
Я видел брачное убранство
Светил, знакомых мне давно...
Они текли в венцах из золота;
Но что же? прежнего собрата
Не узнавало ни одно.
Изгнанников, себе подобных,

Я звать в отчаянии стал,
Но слов и лиц и взоров злобных,
Увы! я сам не узнавал.
И в страхе я, взмахнув крылами,
Помчался — но куда? зачем?
Не знаю... прежними друзьями
Я был отвергнут; как Эдем,
Мир для меня стал глух и нем.
По вольной прихоти теченья
Так поврежденная ладья
Без парусов и без руля
Плывет, не зная назначенья;
Так ранней утренней порой
Отрывок тучи громовой,
В лазурной тишине чернея,
Один, нигде пристать не смея,
Летит без цели и следа,
Бог весть откуда и куда!
И я людьми недолго правил,
Греху недолго их учил,
Все благородное бесславил
И все прекрасное хулил;
Недолго... пламень чистой веры
Легко навек я залил в них...
А стоили ль трудов моих
Одни глупцы да лицемеры?
И скрылся я в ущельях гор;
И стал бродить, как метеор,

Во мраке полночи глубокой...
И мчался путник одинокой,
Обманут близким огоньком;
И в бездну падая с конем,
Напрасно звал — и след кровавый
За ним вился по крутизне...
Но злобы мрачные забавы
Недолго нравились мне!
В борьбе с могучим ураганом,
Как часто, подымая прах,
Одетый молнией и туманом,
Я шумно мчался в облаках,
Чтобы в толпе стихий мятеж-
ной
Сердечный ропот заглушить,
Спасти от думы неизбежной
И незабвенное забыть!
Что повесть тягостных лише-
ний,
Трудов и бед толпы людской
Грядущих, прошлых поколений,
Перед минутою одной
Моих непризнанных мучений?
Что люди? что их жизнь и труд?
Они прошли, они пройдут...
Надежда есть — ждет правый
суд:
Простить он может, хоть осу-

дит!

Моя ж печаль бессменно тут,
И ей конца, как мне, не будет;
И не вздремнуть в могиле ей!
Она то ластится, как змей,
То жжет и плещет, будто пла-
мень,
То давит мысль мою, как ка-
мень —
Надежд погибших и страстей
Несокрушимый мавзолей!..

Зачем мне знать твои печали,
Зачем ты жалуешься мне?
Ты согрешил...

Против тебя ли?

Нас могут слышать!..

Мы одне.

А Бог!

На нас не кинет взгляда:
Он занят небом, не землей!

А наказание, муки ада?

Так что ж? Ты будешь там со
мною!

Кто б ни был ты, мой друг слу-

чайный, —
Покой навеки погубя,
Невольню я с отрадой тайной,
Страдалец, слушаю тебя.
Но если речь твоя лукава,
Но если ты, обман тая...
О! пощади! Какая слава?
На что душа тебе моя?
Ужели небу я дороже
Всех, не замеченных тобой?
Они, увы! прекрасны тоже;
Как здесь, их девственное ложе
Не смято смертною рукой...
Нет! дай мне клятву роковую...
Скажи, — ты видишь: я тоскую;
Ты видишь женские мечты!
Невольню страх в душе ласка-
ешь...
Но ты все понял, ты все знаешь —
И сжалишься, конечно, ты!
Клянися мне... от злых стяжаний
Отречься ныне дай обет.
Ужель ни клятв, ни обещаний
Ненарушимых больше нет?..
Клянусь я первым днем творенья,
Клянусь его последним днем,
Клянусь позором преступленья
И вечной правды торжеством.

Клянусь паденья горькой мукой,
Победы краткою мечтой;
Клянусь свиданием с тобой
И вновь грозящею разлукой.
Клянуся сонмищем духов,
Судьбою братьий мне подвласт-
ных,
Мечами ангелов бесстрастных,
Моих недремлющих врагов;
Клянуся небом я и адом,
Земной святыней и тобой,
Клянусь твоим последним взгля-
дом,
Твоею первую слезой,
Незлобных уст твоих дыханьем,
Волною шелковых кудрей,
Клянусь блаженством и страда-
нием,
Клянусь любовью моей:
Я отрекся от старой мести,
Я отрекся от гордых дум;
Отныне яд коварной лести
Ничей уж не встревожит ум;
Хочу я с небом примириться,
Хочу любить, хочу молиться,
Хочу я веровать добру.
Слезой раскаянья сотру
Я на челе, тебя достойном,

Следы небесного огня —
И мир в неведенье спокойном
Пусть доцветает без меня!
О! верь мне: я один поныне
Тебя постиг и оценил:
Избрав тебя моей святыней,
Я власть у ног твоих сложил.
Твоей любви я жду, как дара,
И вечность дам тебе за миг;
В любви, как в злобе, верь, Тамара,
Я неизменен и велик.
Тебя я, вольный сын эфира,
Возьму в надзвездные края;
И будешь ты царицей мира,
Подруга первая моя;
Без сожаленья, без участия
Смотреть на землю станешь ты,
Где нет ни истинного счастья,
Ни долговечной красоты,
Где преступленья лишь да казни,
Где страсти мелкой только
жить;
Где не умеют без боязни
Ни ненавидеть, ни любить.
Иль ты не знаешь, что такое
Людей минутная любовь?
Волненье крови молодое, —
Но дни бегут и стынет кровь!

Кто устоит против разлуки,
Соблазна новой красоты,
Против усталости и скуки
И своенравия мечты?
Нет! не тебе, моей подруге,
Узнай, назначено судьбой
Увянуть молча в тесном круге,
Ревнивой грубости работой,
Средь малодушных и холодных,
Друзей притворных и врагов,
Боязней и надежд бесплодных,
Пустых и тягостных трудов!
Печально за стеной высокой
Ты не угаснешь без страстей,
Среди молитв, равно далеко
От божества и от людей.
О нет, прекрасное созданье,
К иному ты присуждена;
Тебя иное ждет страданье,
Иных восторгов глубина;
Оставь же прежние желанья
И жалкий свет его судьбе:
Пучину гордого познания
Взамен открою я тебе.
Толпу духов моих служебных
Я приведу к твоим стопам;
Прислужниц легких и волшебных
Тебе, красавица, я дам;

И для тебя с звезды восточной
Сорву венец я золотой;
Возьму с цветов росы полночной;
Его усыплю той росой;
Лучом румяного заката
Твой стан, как лентой, обовью,
Дыханьем чистым аромата
Окрестный воздух напою;
Всечасно дивную игрою
Твой слух лелеять буду я;
Чертоги пышные построю
Из бирюзы и янтаря;
Я опущусь на дно морское,
Я полечу за облака,
Я дам тебе все, все земное —
Люби меня!..

И он слегка
Коснулся жаркими устами
Ее трепещущим губам;
Соблазна полными речами
Он отвечал ее мольбам.
Могучий взор смотрел ей в очи!
Он жег ее. Во мраке ночи
Над нею прямо он сверкал,
Неотразимый, как кинжал.
Увы! злой дух торжествовал!
Смертельный яд его лобзанья

Мгновенно в грудь ее проник.
Мучительный, ужасный крик
Ночное возмущил молчанье.
В нем было все: любовь, страда-
нье,
Упрек с последнею мольбой
И безнадежное прощанье —
Прощанье с жизнью молодой.

В то время сторож полуночный,
Один вокруг стены крутой
Свершая тихо путь урочный,
Бродил с чугуною доской,
И возле кельи девы юной
Он шаг свой мерный укротил
И руку над доской чугуной,
Смутясь душой, остановил.
И сквозь окрестное молчанье,
Ему казалось, слышал он
Двух уст согласное лобзанье,
Минутный крик и слабый стон.
И нечестивое сомненье
Проникло в сердце старика...
Но пронеслось еще мгновенье,
И стихло все; издалека
Лишь дуновенье ветерка
Роптанье листьев приносило,
Да с темным берегом уныло

Шепталась горная река.
Канон угодника святого
Спешит он в страхе прочитатъ,
Чтоб наважденье духа злого
От грешной мысли отогнатъ;
Крестит дрожащими перстами
Мечтой взволнованную грудь
И молча скорыми шагами
Обычный продолжает путь.

.....

Как пери спящая мила,
Она в гробу своем лежала,
Белей и чище покрывала
Был томный цвет ее чела.
Навек опущены ресницы...
Но кто б, о небо! не сказал,
Что взор под ними лишь дремал
И, чудный, только ожидал
Иль поцелуя, иль денницы?
Но бесполезно луч дневной
Скользил по ним струей златой,
Напрасно их в немой печали
Уста родные целовали...
Нет! смерти вечную печать
Ничто не в силах уж сорвать!

Ни разу не был в дни веселья

Так разноцветен и богат
Тамары праздничный наряд.
Цветы родимого ущелья
(Так древний требует обряд)
Над нею льют свой аромат
И, сжаты мертвою рукою,
Как бы прощаются с землею!
И ничего в ее лице
Не намекало о конце
В пылу страстей и упоенья;
И были все ее черты
Исполнены той красоты,
Как мрамор, чуждой выраженья,
Лишенной чувства и ума,
Таинственной, как смерть сама.
Улыбка странная застыла,
Мелькнувши по ее устам.
О многом грустном говорила
Она внимательным глазам:
В ней было хладное презренье
Души, готовой отцветсти,
Последней мысли выраженья,
Земле беззвучное прости.
Напрасный отблеск жизни преж-
ней,
Она была еще мертвей,
Еще для сердца безнадежней
Навек угаснувших очей.

Так в час торжественный заката,
Когда, растаяв в море злата,
Уж скрылась колесница дня,
Снега Кавказа, на мгновенье
Отлив румяный сохраняя,
Сияют в темном отдаленье.
Но этот луч полуживой
В пустыне отблеска не встре-
тит,
И путь ничей он не осветит
С своей вершины ледяной!..

Толпой соседи и родные
Уж собрались в печальный путь.
Терзая локоны седые,
Безмолвно поражая грудь,
В последний раз Гудал садится
На белогривого коня,
И поезд тронулся. Три дня,
Три ночи путь их будет длиться:
Меж старых дедовских костей
Приют покойный вырыт ей.
Один из праотцев Гудала,
Грабитель странников и сел,
Когда болезнь его сковала
И час раскаянья пришел,
Грехов минувших в искупленье
Построить церковь обещал

На вышине гранитных скал,
Где только вьюги слышно пенье,
Куда лишь коршун залетал.
И скоро меж снегов Казбека
Поднялся одинокий храм,
И кости злого человека
Вновь упокоились там;
И превратилась в кладбище
Скала, родная облакам:
Как будто ближе к небесам
Теплей посмертное жилище?..
Как будто дальше от людей
Последний сон не возмутится...
Напрасно! мертвым не приснится
с
Ни грусть, ни радость прошлых
дней.

В пространстве синего эфира
Один из ангелов святых
Летел на крыльях золотых,
И душу грешную от мира
Он нес в объятиях своих.
И сладкой речью упованья
Ее сомненья разгонял,
И след проступка и страданья
С нее слезами он смывал.
Издали уж звуки рая

К ним доносились — как вдруг,
Свободный путь пересекая,
Взвился из бездны адский дух.
Он был могущ, как вихорь шум-
ный,
Блистал, как молнии струя,
И гордо в дерзости безумной
Он говорит: «Она моя!»
К груди хранительной прижалась,
Молитвой ужас заглуша,
Тамары грешная душа.
Судьба грядущего решалась,
Пред нею снова он стоял,
Но, Боже! — кто б его узнал?
Каким смотрел он злобным
взглядом,
Как полон был смертельным
ядом
Вражды, не знающей конца, —
И веяло могильным хладом
От неподвижного лица.
«Исчезни, мрачный дух сомне-
нья! —
Посланник неба отвечал: —
Довольно ты торжествовал;
Но час суда теперь настал —
И благо Божие решение!
Дни испытания прошли;

С одеждой брэнною земли
Оковы зла с нее ниспали.
Узнай! давно ее мы ждали!
Ее душа была из тех,
Которых жизнь — одно мгновенье
Невыносимого мученья,
Недосягаемых утех:
Творец из лучшего эфира
Соткал живые струны их,
Они не созданы для мира,
И мир был создан не для них!
Ценой жестокой искупила
Она сомнения свои...
Она страдала и любила —
И рай открылся для любви!»

И Ангел строгими очами
На искушителя взглянул
И, радостно взмахнув крылами,
В сиянье неба потонул.
И проклял Демон побежденный
Мечты безумные свои,
И вновь остался он, надменный,
Один, как прежде, во вселенной
Без упованья и любви!..

На склоне каменной горы
Над Койшаурскою долиной

Еще стоят до сей поры
Зубцы развалины старинной.
Рассказов, страшных для детей,
О них еще преданья полны...
Как призрак, памятник безмолв-
ный,
Свидетель тех волшебных дней,
Между деревьями чернеет.
Внизу рассыпался аул,
Земля цветет и зеленеет;
И голосов нестройный гул
Теряется, и караваны
Идут, звеня, издалека,
И, низвергаясь сквозь туманы,
Блестит и пенится река.
И жизнью, вечно молодою,
Прохладой, солнцем и весною
Природа тешится шутя,
Как беззаботное дитя.

Но грустен замок, отслуживший
Когда-то в очередь свою,
Как бедный старец, переживший
Друзей и милую семью.
И только ждут луны восхода
Его незримые жильцы:
Тогда им праздник и свобода!
Жужжат, бегут во все концы.

Седой паук, отшельник новый,
Прядет сетей своих основы;
Зеленых ящериц семья
На кровле весело играет;
И осторожная змея
Из темной щели выползает
На плиту старого крыльца,
То вдруг совется в три кольца,
То ляжет длинной полосой
И блещет, как булатный меч,
Забитый в поле давних сеч,
Ненужный падшему герою!..
Все дико; нет нигде следов
Минувших лет: рука веков
Прилежно, долго их сметала,
И не напомним ничего
О славном имени Гудала,
О милой дочери его!
Но церковь на крутой вершине,
Где взяты кости их землей,
Хранима властью святой,
Видна меж туч еще поныне.
И у ворот ее стоят
На страже черные граниты,
Плащами снежными покрыты;
И на груди их вместо лат
Льды вековечные горят.
Обвалов сонные громады

С уступов, будто водопады,
Морозом схваченные вдруг,
Висят, нахмурившись, вокруг.
И там метель дозором ходит,
Сдувая пыль со стен седых,
То песню долгую заводит,
То окликает часовых;
Услыша вести в отдаленье
О чудном храме, в той стране,
С востока облака одне
Спешат толпой на поклоненье;
Но над семьей могильных плит
Давно никто уж не грустит.
Скала угрюмого Казбека
Добычу жадно сторожит,
И вечный ропот человека
Их вечный мир не возмутит.

Мцыри[7]

Вкушая, вкусих мало
меда, и се аз умираю.
1-я Книга Царств

Немного лет тому назад,
Там, где, сливаясь, шумят,
Обнявшись, будто две сестры,
Струи Арагвы и Куры,
Был монастырь. Из-за горы
И нынче видит пешеход
Столбы обрушенных ворот,
И башни, и церковный свод;
Но не курится уж под ним
Кадильниц благовонный дым,
Не слышно пенье в поздний час
Молящих иноков за нас.
Теперь один старик седой,
Развалин страж полуживой,
Людьми и смертью забыт,
Сметает пыль с могильных
плит,
Которых надпись говорит
О славе прошлой — и о том,
Как, удручен своим венцом,

Такой-то царь, в такой-то год,
Вручал России свой народ.

И Божья благодать сошла
На Грузию! Она цвела
С тех пор в тени своих садов,
Не опасая врагов,
За гранью дружеских штыков.

Однажды русский генерал
Из гор к Тифлису проезжал;
Ребенка пленного он вез.
Тот занемог, не перенес
Трудов далекого пути;
Он был, казалось, лет шести,
Как серна гор, пуглив и дик
И слаб и гибок, как тростник.
Но в нем мучительный недуг
Развил тогда могучий дух
Его отцов. Без жалоб он
Томился, даже слабый стон
Из детских губ не вылетал,
Он знаком пищу отвергал
И тихо, гордо умирал.
Из жалости один монах
Больного призрел, и в стенах
Хранительных остался он,
Искусством дружеским спасен.

Но, чужд ребяческих утех,
Сначала бегал он от всех,
Бродил безмолвен, одинок,
Смотрел, вздыхая, на восток,
Томим неясною тоской
По стороне своей родной.
Но после к плену он привык,
Стал понимать чужой язык,
Был окрещен святым отцом
И, с шумным светом незнаком,
Уже хотел во цвете лет
Изречь монашеский обет,
Как вдруг однажды он исчез
Осенней ночью. Темный лес
Тянулся по горам кругом.
Три дня все поиски по нем
Напрасны были, но потом
Его в степи без чувств нашли
И вновь в обитель принесли.
Он страшно бледен был и худ
И слаб, как будто долгий труд,
Болезнь иль голод испытал.
Он на допрос не отвечал
И с каждым днем приметно вял.
И близок стал его конец;
Тогда пришел к нему чернец
С увещеваньем и мольбой;
И, гордо выслушав, больной

Привстал, собрав остаток сил,
И долго так он говорил:

«Ты слушать исповедь мою
Сюда пришел, благодарю.
Все лучше перед кем-нибудь
Словами облегчить мне грудь;
Но людям я не делал зла,
И потому мои дела
Немного пользы вам узнать, —
А душу можно ль рассказать?
Я мало жил, и жил в плену.
Таких две жизни за одну,
Но только полную тревог,
Я променял бы, если б мог.
Я знал одной лишь думы власть,
Одну — но пламенную страсть:
Она, как червь, во мне жила,
Изгрызла душу и сожгла.
Она мечты мои звала
От келий душных и молитв
В тот чудный мир тревог и битв,
Где в тучах прячутся скалы,
Где люди вольны, как орлы.
Я эту страсть во тьме ночной
Вскормил слезами и тоской;
Ее пред небом и землей
Я ныне громко признаю

И о прощенье не молю.

*Старик! я слышал много раз,
Что ты меня от смерти спас —
Зачем?.. Угрюм и одинок,
Грозой оторванный листок,
Я вырос в сумрачных стенах
Душой дитя, судьбой монах.
Я никому не мог сказать
Священных слов „отец“ и „мать“.
Конечно, ты хотел, старик,
Чтоб я в обители отвык
От этих сладостных имен, —
Напрасно: звук их был рожден
Со мной. Я видел у других
Отчизну, дом, друзей, родных,
А у себя не находил
Не только милых душ — могил!
Тогда, пустых не тратя слез,
В душе я клятву произнес:
Хотя на миг когда-нибудь
Мою пылающую грудь
Прижать с тоской к груди другой,
Хоть незнакомой, но родной.
Увы! теперь мечтанья те
Погибли в полной красоте,
И я, как жил, в земле чужой
Умру рабом и сиротой.*

Меня могила не страшит:
Там, говорят, страданье спит
В холодной вечной тишине;
Но с жизнью жаль расстаться
мне.

Я молод, молод... Знал ли ты
Разгульной юности мечты?
Или не знал, или забыл,
Как ненавидел и любил;
Как сердце билось живею
При виде солнца и полей
С высокой башни угловой,
Где воздух свеж и где порой
В глубокой скважине стены,
Дитя неведомой страны,
Прижавшись, голубь молодой
Сидит, испуганный грозой?
Пускай теперь прекрасный свет
Тебе постыл: ты слаб, ты сед,
И от желаний ты отвык.
Что за нужда? Ты жил, старик!
Тебе есть в мире что забыть,
Ты жил, — я также мог бы жить!

Ты хочешь знать, что видел я
На воле? — Пышные поля,
Холмы, покрытые венцом
Дерев, разросшихся кругом,

Шумящих свежую толпой,
Как братья в пляске круговой.
Я видел груды темных скал,
Когда поток их разделял,
И думы их я угадал:
Мне было свыше то дано!
Простерты в воздухе давно
Объяты каменные их
И жаждут встречи каждый миг;
Но дни бегут, бегут года —
Им не сойтись никогда!
Я видел горные хребты,
Причудливые, как мечты,
Когда в час утренней зари
Курились, как алтари,
Их выси в небе голубом,
И облачко за облачком,
Покинув тайный свой ночлег,
К востоку направляло бег —
Как будто белый караван
Залетных птиц из дальних
стран!
Вдали я видел сквозь туман,
В снегах, горящих, как алмаз,
Седой незыблемый Кавказ;
И было сердцу моему
Легко, не знаю почему.
Мне тайный голос говорил,

Что некогда и я там жил,
И стало в памяти моей
Прошедшее ясней, ясней...

И вспомнил я отцовский дом,
Ущелье наше и кругом
В тени рассыпанный аул;
Мне слышался вечерний гул
Домой бегущих табунов
И дальний лай знакомых псов.
Я помнил смуглых стариков,
При свете лунных вечеров
Против отцовского крыльца
Сидевших с важностью лица;
И блеск оправленных ножен
Кинжалов длинных... и, как сон,
Все это смутной чередой
Вдруг пробежало предо мной.
А мой отец? он как живой
В своей одежде боевой
Являлся мне, и помнил я
Кольчуги звон, и блеск ружья,
И гордый непреклонный взор,
И молодых моих сестер...
Лучи их сладостных очей
И звук их песен и речей
Над колыбелию моей...
В ущелье там бежал поток.

Он шумен был, но неглубок;
К нему, на золотой песок,
Играть я в полдень уходил
И взором ласточек следил,
Когда они перед дождем
Волны касались крылом.
И вспомнил я наш мирный дом
И пред вечерним очагом
Рассказы долгие о том,
Как жили люди прежних дней,
Когда был мир еще пышней.

Ты хочешь знать, что делал я
На воле? Жил — и жизнь моя
Без этих трех блаженных дней
Была б печальней и мрачней
Бессильной старости твоей.
Давным-давно задумал я
Взглянуть на дальние поля,
Узнать, прекрасна ли земля,
Узнать, для воли иль тюрьмы
На этот свет родимся мы.
И в час ночной, ужасный час,
Когда гроза пугала вас,
Когда, столпясь при алтаре,
Вы ниц лежали на земле,
Я убежал. О, я как брат
Обняться с бурей был бы рад!

Глазами тучи я следил,
Рукою молнию ловил...
Скажи мне, что средь этих стен
Могли бы дать вы мне взамен
Той дружбы краткой, но живой,
Меж бурным сердцем и грозой?..

Бежал я долго — где, куда?
Не знаю! ни одна звезда
Не озаряла трудный путь.
Мне было весело вдохнуть
В мою измученную грудь
Ночную свежесть тех лесов,
И только! Много я часов
Бежал, и наконец, устав,
Прилег между высоких трав;
Прислушался: погони нет.
Гроза утихла. Бледный свет
Тянулся длинной полосой
Меж темным небом и землей,
И различал я, как узор,
На ней зубцы далеких гор;
Недвижим, молча я лежал.
Порой в ущелии шакал
Кричал и плакал, как дитя,
И, гладкой чешуей блестя,
Змея скользила меж камней;
Но страх не сжал души моей:

*Я сам, как зверь, был чужд людей
И полз и прятался, как змей.*

*Внизу глубоко подо мной
Поток, усиленный грозой,
Шумел, и шум его глухой
Сердитых сотне голосов
Подобился. Хотя без слов
Мне внятен был тот разговор,
Немолчный ропот, вечный спор
С упрямой грудой камней.
То вдруг стихал он, то сильней
Он раздавался в тишине;
И вот, в туманной вышине
Запели птички, и восток
Озолотился; ветерок
Сырые шевельнул листья;
Дохнули сонные цветы,
И, как они, навстречу дню
Я поднял голову мою...
Я осмотрелся; не таю:
Мне стало страшно; на краю
Грозящей бездны я лежал,
Где выл, крутясь, сердитый вал;
Туда вели ступени скал;
Но лишь злой дух по ним шагал,
Когда, низверженный с небес,
В подземной пропасти исчез.*

Кругом меня цвел Божий сад;
Растений радужный наряд
Хранил следы небесных слез,
И кудри виноградных лоз
Вились, красуясь меж деревьев
Прозрачной зеленью листов;
И грозды полные на них,
Серег подобье дорогих,
Висели пышно, и порой
К ним птиц летал пугливый рой.
И снова я к земле припал
И снова вслушиваться стал
К волшебным, странным голо-
сам;
Они шептались по кустам,
Как будто речь свою вели
О тайнах неба и земли;
И все природы голоса
Сливались тут; не раздался
В торжественный хваленья час
Лишь человека гордый глас.
Все, что я чувствовал тогда,
Те думы — им уж нет следа;
Но я б желал их рассказать,
Чтоб жить, хоть мысленно,
опять.
В то утро был небесный свод
Так чист, что ангела полет

Прилежный взор следить бы мог;
Он так прозрачно был глубок,
Так полон ровной синевой!
Я в нем глазами и душой
Тонул, пока полдневный зной
Мои мечты не разогнал,
И жаждой я томиться стал.

Тогда к потоку с высоты,
Держась за гибкие кусты,
С плиты на плиту я, как мог,
Спускаться начал. Из-под ног
Сорвавшись, камень иногда
Катился вниз — за ним бразда
Дымилась, прах вился столбом;
Гудя и прыгая, потом
Он поглощаем был волной;
И я висел над глубиной,
Но юность вольная сильна,
И смерть казалась не страшна!
Лишь только я с крутых высот
Спустился, свежесть горных вод
Повеяла навстречу мне,
И жадно я припал к волне.
Вдруг — голос — легкий шум ша-
гов...
Мгновенно скрывшись меж ку-
стов,

Невольным трепетом объят,
Я поднял боязливый взгляд
И жадно вслушиваться стал:
И ближе, ближе все звучал
Грузинки голос молодой,
Так безыскусственно живой,
Так сладко вольный, будто он
Лишь звуки дружеских имен
Произносить был приучен.
Простая песня то была,
Но в мысль она мне залегла,
И мне, лишь сумрак настает,
Незримый дух ее поет.

Держа кувшин над головой,
Грузинка узкою тропой
Сходила к берегу. Порой
Она скользила меж камней,
Смеясь неловкости своей.
И беден был ее наряд;
И шла она легко, назад
Изгибы длинные чадры
Откинув. Летние жары
Покрыли тенью золотой
Лицо и грудь ее; и зной
Дышал от уст ее и щек.
И мрак очей был так глубок,
Так полон тайнами любви,

Что думы пылкие мои
Смутились. Помню только я
Кувшина звон, — когда струя
Вливалась медленно в него,
И шорох... больше ничего.
Когда же я очнулся вновь
И отлила от сердца кровь,
Она была уж далеко;
И шла, хоть тише, — но легко,
Стройна под ношею своей,
Как тополь, царь ее полей!
Недалеко, в прохладной мгле,
Казалось, приросли к скале
Две сакли дружною четой;
Над плоской кровлею одной
Дымок струился голубой.
Я вижу будто бы теперь,
Как отперлась тихонько дверь...
И затворилась опять!..
Тебе, я знаю, не понять
Мою тоску, мою печаль;
И если б мог, — мне было б жаль:
Воспоминанья тех минут
Во мне, со мной пускай умрут.

Трудами ночи изнурен,
Я лег в тени. Отраднй сон
Сомкнул глаза невольню мне...

И снова видел я во сне
Грузинки образ молодой.
И странной, сладкою тоской
Опять моя заныла грудь.
Я долго силился вздохнуть —
И пробудился. Уж луна
Вверху сияла, и одна
Лишь тучка кралася за ней,
Как за добычею своею,
Объяты жадные раскрыв.
Мир темен был и молчалив;
Лишь серебристой бахромой
Вершины цепи снеговой
Вдали сверкали предо мной
Да в берега плескал поток.
В знакомой сакле огонек
То трепетал, то снова гас:
На небесах в полночный час
Так гаснет яркая звезда!
Хотелось мне... но я туда
Взойти не смел. Я цель одну —
Пройти в родимую страну —
Имел в душе и превозмог
Страданье голода, как мог.
И вот дорогою прямой
Пустился, робкий и немой.
Но скоро в глубине лесной
Из виду горы потерял

И тут с пути сбиваться стал.

*Напрасно в бешенстве порой
Я рвал отчаянной рукой
Терновник, спутанный плющом:
Все лес был, вечный лес кругом,
Страшной и гуще каждый час;
И миллионом черных глаз
Смотрела ночи темнота
Сквозь ветви каждого куста...
Моя кружилась голова;
Я стал влезать на деревья;
Но даже на краю небес
Все тот же был зубчатый лес.
Тогда на землю я упал;
И в исступлении рыдал,
И грыз сырую грудь земли,
И слезы, слезы потекли
В нее горючею росой...
Но, верь мне, помощи людской
Я не желал... Я был чужой
Для них навек, как зверь степной;
И если б хоть минутный крик
Мне изменил — клянусь, старик,
Я б вырвал слабый мой язык.*

*Ты помнишь детские года:
Слезы не знал я никогда;*

Но тут я плакал без стыда.
Кто видеть мог? Лишь темный
лес
Да месяц, плывший средь небес!
Озарена его лучом,
Покрыта мохом и песком,
Непроницаемой стеной
Окружена, передо мной
Была поляна. Вдруг по ней
Мелькнула тень, и двух огней
Промчались искры... и потом
Какой-то зверь одним прыжком
Из чащи выскочил и лег,
Играя, навзничь на песок.
То был пустыни вечный гость —
Могучий барс. Сырую кость
Он грыз и весело визжал;
То взор кровавый устремлял,
Мотая ласково хвостом,
На полный месяц, — и на нем
Шерсть отливалась серебром.
Я ждал, схватив рогатый сук,
Минуту битвы; сердце вдруг
Зажглося жаждою борьбы
И крови... да, рука судьбы
Меня вела иным путем...
Но нынче я уверен в том,
Что быть бы мог в краю отцов

Не из последних удальцов.

*Я ждал. И вот в тени ночной
Врага почувал он, и вой
Протяжный, жалобный, как
стон,
Раздался вдруг... и начал он
Сердито лапой рыть песок,
Встал на дыбы, потом прилег,
И первый бешеный скачок
Мне страшной смертью грозил,
Но я его предупредил.
Удар мой верен был и скор.
Надежный сук мой, как топор,
Широкий лоб его рассек...
Он застонал, как человек,
И опрокинулся. Но вновь,
Хотя лила из раны кровь
Густой, широкою волной,
Бой закипел, смертельный бой!*

*Ко мне он кинулся на грудь;
Но в горло я успел воткнуть
И там два раза повернуть
Мое оружие... Он завыл,
Рванулся из последних сил,
И мы, сплетясь, как пара змей,
Обнявшись крепче двух друзей,*

Упали разом, и во мгле
Бой продолжался на земле.
И я был страшен в этот миг;
Как барс пустынный, зол и дик,
Я пламенел, визжал, как он;
Как будто сам я был рожден
В семействе барсов и волков
Под свежим пологом лесов.
Казалось, что слова людей
Забыл я — и в груди моей
Родился тот ужасный крик,
Как будто с детства мой язык
К иному звуку не привык...
Но враг мой стал изнемогать,
Метаться, медленней дышать,
Сдавил меня в последний раз...
Зрачки его недвижных глаз
Блеснули грозно — и потом
Закрылись тихо вечным сном;
Но с торжествующим врагом
Он встретил смерть лицом к ли-
цу,
Как в битве следует бойцу!..

Ты видишь на груди моей
Следы глубокие когтей;
Еще они не заросли
И не закрылись; но земли

Сырой покров их освежит
И смерть навеки заживит.
О них тогда я позабыл,
И, вновь собрав остаток сил,
Побрел я в глубине лесной...
Но тщетно спорил я с судьбой:
Она смеялась надо мной!

Я вышел из лесу. И вот
Проснулся день, и хоровод
Светил напутственных исчез
В его лучах. Туманный лес
Заговорил. Вдали аул
Куриться начал. Смутный гул
В долине с ветром пробежал...
Я сел и вслушиваться стал;
Но смолк он вместе с ветерком.
И кинул взоры я кругом:
Тот край, казалось, мне знаком.
И страшно было мне, понять
Не мог я долго, что опять
Вернулся я к тюрьме моей;
Что бесполезно столько дней
Я тайный замысел ласкал,
Терпел, томился и страдал,
И все зачем?.. Чтоб в цвете лет,
Едва взглянув на Божий свет,
При звучном ропоте дубрав

Блаженство вольности познав,
Унести в могилу за собой
Тоску по родине святой,
Надежд обманутых укор
И вашей жалости позор!..
Еще в сомненье погружен,
Я думал — это страшный сон...
Вдруг дальний колокола звон
Раздался снова в тишине —
И тут все ясно стало мне...
О! я узнал его тотчас!
Он с детских глаз уже не раз
Сгонял виденья снов живых
Про милых ближних и родных,
Про волю дикую степей,
Про легких, бешеных коней,
Про битвы чудные меж скал,
Где всех один я побеждал!..
И слушал я без слез, без сил.
Казалось, звон тот выходил
Из сердца — будто кто-нибудь
Железом ударял мне в грудь.
И смутно понял я тогда,
Что мне на родину следа
Не проложить уж никогда.

Да, заслужил я жребий мой!
Могучий конь, в степи чужой,

Плохого сбросив седока,
На родину издалека
Найдет прямой и краткий путь...
Что я пред ним? Напрасно грудь
Полна желаньем и тоской:
То жар бессильный и пустой,
Игра мечты, болезнь ума.
На мне печать свою тюрьма
Оставила... Таков цветок
Темничный: вырос одинок
И бледен он меж плит сырых,
И долго листьев молодых
Не распускал, все ждал лучей
Живительных. И много дней
Прошло, и добрая рука
Печально тронулась цветка,
И был он в сад перенесен,
В соседство роз. Со всех сторон
Дышала сладость бытия...
Но что ж? Едва взошла заря,
Палящий луч ее обжиг
В тюрьме воспитанный цветок...

И как его, палил меня
Огонь безжалостного дня.
Напрасно прятал я в траву
Мою усталую главу:
Иссохший лист ее венцом

Терновым над моим челом
Свивался, и в лицо огнем
Сама земля дышала мне.
Сверкая быстро в вышине,
Кружились искры; с белых скал
Струился пар. Мир Божий спал
В оцепенении глухом
Отчаянья тяжелым сном.
Хотя бы крикнул коростель,
Иль стрекозы живая трель
Послышалась, или ручья
Ребячий лепет... Лишь змея,
Сухим бурьяном шелестя,
Сверкая желтою спиной,
Как будто надписью златой
Покрытый донизу клинок,
Браздя рассыпчатый песок,
Скользила бережно; потом,
Играя, нежася на нем,
Тройным свивался кольцом;
То, будто вдруг обожжена,
Металась, прыгала она
И в дальних пряталась кустах...

И было все на небесах
Светло и тихо. Сквозь пары
Вдали чернели две горы.
Наш монастырь из-за одной

Сверкал зубчатую стеной.
Внизу Арагва и Кура,
Обвив каймой из серебра
Подожвы свежих островов,
По корням шепчущих кустов
Бежали дружно и легко...
До них мне было далеко!
Хотел я встать — передо мной
Все закружилось с быстротой;
Хотел кричать — язык сухой
Беззвучен и недвижим был...
Я умирал. Меня томил
Предсмертный бред.
Казалось мне,
Что я лежу на влажном дне
Глубокой речки — и была
Кругом таинственная мгла.
И, жажду вечную поя,
Как лед холодная струя,
Журча, вливалась мне в грудь...
И я боялся лишь заснуть, —
Так было сладко, любо мне...
А надо мною в вышине
Волна теснилася к волне
И солнце сквозь хрусталь волны
Сияло сладостней луны...
И рыбок пестрые стада
В лучах играли иногда.

И помню я одну из них:
Она приветливей других
Ко мне ласкалась. Чешуей
Была покрыта золотой
Ее спина. Она вилась
Над головой моей не раз,
И взор ее зеленых глаз
Был грустно нежен и глубок.
И надивиться я не мог:
Ее серебристый голосок
Мне речи странные шептал,
И пел, и снова замолкал.

Он говорил: „Дитя мое,
Останься здесь со мной:
В воде привольное житье
И холод и покой.

Я созову моих сестер:
Мы пляской круговой
Развеселим туманный взор
И дух усталый твой.

Усни, постель твоя мягка,
Прозрачен твой покров.
Пройдут года, пройдут века
Под говор чудных снов.

О милый мой! не утаю,
Что я тебя люблю,
Люблю как вольную струю,
Люблю как жизнь мою...“

И долго, долго слушал я;
И мнилось, звучная струя
Сливала тихий ропот свой
С словами рыбки золотой.
Тут я забылся. Божий свет
В глазах угас. Безумный бред
Бессилью тела уступил...

Так я найден и поднят был...
Ты остальное знаешь сам.
Я кончил. Верь моим словам
Или не верь, мне все равно.
Меня печалит лишь одно:
Мой труп холодный и немой
Не будет тлеть в земле родной,
И повесть горьких мук моих
Не призовет меж стен глухих
Вниманье скорбное ничье
На имя темное мое.

Прощай, отец... дай руку мне:
Ты чувствуешь, моя в огне...
Знай, этот пламень с юных дней,

Таяся, жил в груди моей;
Но ныне пищи нет ему,
И он прожест свою тюрьму
И возвратится вновь к тому,
Кто всем законной чередой
Дает страданье и покой...
Но что мне в том? — пускай в
раю,
В святом, заоблачном краю
Мой дух найдет себе приют...
Увы! — за несколько минут
Между крутых и темных скал,
Где я в ребячестве играл,
Я б рай и вечность променял...

Когда я стану умирать,
И, верь, тебе не долго ждать,
Ты перенести меня вели
В наш сад, в то место, где цвели
Акаций белых два куста...
Трава меж ними так густа,
И свежий воздух так душист,
И так прозрачно-золотист
Играющий на солнце лист!
Там положить вели меня.
Сияньем голубого дня
Упьюся я в последний раз.
Оттуда виден и Кавказ!

Быть может, он с своих высот
Привет прощальный мне при-
шлет,
Пришлет с прохладным ветер-
ком...
И близ меня перед концом
Родной опять раздастся звук!
И стану думать я, что друг
Иль брат, склонившись надо
мною,
Отер внимательной рукой
С лица кончины хладный пот
И что вполголоса поет
Он мне про милую страну...
И с этой мыслью я засну,
И никого не прокляну!..»

Ашик-Кериб

Турецкая сказка

Давно тому назад, в городе Тифлизе, жил один богатый турок; много аллах дал ему золота, но дороже золота была ему единственная дочь Магуль-Мегери; хороши звезды на небеси, но за звездами живут ангелы, и они еще лучше, так и Магуль-Мегери была лучше всех девушек Тифлиза. Был также в Тифлизе бедный Ашик-Кериб; пророк не дал ему ничего, кроме высокого сердца и дара песен; играя на саазе (балалайка турецкая) и прославляя древних витязей Туркестана, ходил он по свадьбам увеселять богатых и счастливых; на одной свадьбе он увидал Магуль-Мегери, и они полюбили друг друга. Мало было надежды у бедного Ашик-Кериба получить ее руку — и он стал грустен, как зимнее небо.

Вот раз он лежал в саду под виноградником и, наконец, заснул; в это время шла мимо Магуль-Мегери с своими подругами; и одна из них, увидав спящего ашика (балалаечник), отстала и подошла к нему. «Что ты спишь под

виноградником, — запела она, — вставай, безумный, твоя газель идет мимо»; он проснулся — девушка порхнула прочь, как птичка; Магуль-Мегери слышала ее песню и стала ее бранить. «Если б ты знала, — отвечала та, — кому я пела эту песню, ты бы меня поблагодарила: это твой Ашик-Кериб». — «Веди меня к нему», — сказала Магуль-Мегери; и они пошли. Увидав его печальное лицо, Магуль-Мегери стала его спрашивать и утешать. «Как мне не грустить, — отвечал Ашик-Кериб, — я тебя люблю, — и ты никогда не будешь моею». — «Проси мою руку у отца моего, — говорила она, — и отец мой сыграет нашу свадьбу на свои деньги и наградит меня столько, что нам вдвоем достанет». — «Хорошо, — отвечал он, — положим, Аяк-Ага ничего не пожалеет для своей дочери; но кто знает, что после ты не будешь меня упрекать в том, что я ничего не имел и тебе всем обязан; нет, милая Магуль-Мегери, я положил зарок на свою душу: обещаю семь лет странствовать по свету и нажить себе богатство либо погибнуть в дальних пустынях; если ты согласна на это, то по истечении срока будешь

моею». Она согласилась, но прибавила, что если в назначенный день он не вернется, то она сделается женою Куршуд-бека, который давно уж за нее сватается.

Пришел Ашик-Кериб к своей матери, взял на дорогу ее благословение, поцеловал маленькую сестру, повесил через плечо сумку, оперся на посох странничий и вышел из города Тифлиза. И вот догоняет его всадник, — он смотрит — это Куршудбек. «Добрый путь, — кричал ему бек, — куда бы ты ни шел, странник, я твой товарищ»; не рад был Ашик своему товарищу, но нечего делать; долго они шли вместе, наконец завидели перед собою реку. Ни моста, ни броду. «Плыви вперед, — сказал Куршуд-бек, — я за тобою последую». Ашик сбросил верхнее платье и поплыл; переправившись, глядь назад — о горе! о всемогущий Аллах! Куршуд-бек, взяв его одежды, ускакал обратно в Тифлиз, только пыль вилась за ним змеею по гладкому полю. Прискакав в Тифлиз, несет бек платье Ашик-Кериба к его старой матери. «Твой сын утонул в глубокой реке, — говорит он, — вот его одежда». В невыразимой тоске упала мать на одежды

любимого сына и стала обливать их жаркими слезами; потом взяла их и понесла к нареченной невестке своей, Магуль-Мегери. «Мой сын утонул, — сказала она ей, — Куршуд-бек привез его одежды; ты свободна». Магуль-Мегери улыбнулась и отвечала: «Не верь, это все выдумки Куршуд-бека; прежде истечения семи лет никто не будет моим мужем», — она взяла со стены свою сааз и спокойно начала петь любимую песню бедного Ашик-Кериба. Между тем странник пришел бос и наг в одну деревню; добрые люди одели его и накормили; он за то пел им чудные песни; таким образом переходил он из деревни в деревню, из города в город; и слава его разнеслась повсюду. Прибыл он, наконец, в Халаф; по обыкновению, вошел в кофейный дом, спросил сааз и стал петь. В это время жил в Халафе паша, большой охотник до песельников; многих к нему приводили — ни один ему не понравился; его чауши измучились, бегая по городу; вдруг, проходя мимо кофейного дома, слышат удивительный голос; они туда. «Иди с нами к великому паше, — закричали они, — или ты отвечаешь нам головою». — «Я человек воль-

ный, странник из города Тифлиза, — говорит Ашик-Кериб, — хочу пойду, хочу нет; пою, когда придется, и ваш паша мне не начальник». Однако, несмотря на то, его схватили и привели к паше. «Пой», — сказал паша, и он запел. И в этой песне он славил свою дорогую Магуль-Мегери; и эта песня так понравилась гордому паше, что он оставил у себя бедного Ашик-Кериба. Посыпалось к нему серебро и золото, заблестали на нем богатые одежды; счастливо и весело стал жить Ашик-Кериб и сделался очень богат; забыл он свою Магуль-Мегери или нет, не знаю, только срок истекал, последний год скоро должен был кончиться, а он и не готовился к отъезду. Прекрасная Магуль-Мегери стала отчаиваться; в это время отправляется один купец с керваном из Тифлиза с сорока верблюдами и восемьюдесятью невольниками; призывает она купца к себе и дает ему золотое блюдо. «Возьми ты это блюдо, — говорит она, — и в какой бы ты город ни приехал, выставь это блюдо в своей лавке и объяви везде, что тот, кто признается моему блюду хозяином и докажет это, получит его и вдобавок вес его золотом». От-

правился купец, везде исполнял поручение Магуль-Мегери, но никто не признался хозяином золотому блюду. Уж он продал почти все свои товары и приехал с остальными в Халаф. Объявил он везде поручение Магуль-Мегери. Услыхав это, Ашик-Кериб прибегает в караван-сарай — и видит золотое блюдо в лавке тифлизского купца. «Это мое», — сказал он, схватив его рукою. «Точно твое, — сказал купец, — я узнал тебя, Ашик-Кериб; ступай же скорее в Тифлиз, твоя Магуль-Мегери велела тебе сказать, что срок истекает, и если ты не будешь в назначенный день, то она выйдет за другого». В отчаянии Ашик-Кериб схватил себя за голову: оставалось только три дни до рокового часа. Однако он сел на коня, взял с собою суму с золотыми монетами и поскакал, не жалея коня; наконец, измученный бегун упал бездыханный на Арзинган-горе, что между Арзиньяном и Арзерумом. Что ему было делать: от Арзиньяна до Тифлиза два месяца езды, а оставалось только два дни. «Аллах всемогущий, — воскликнул он, — если ты уж мне не помогаешь, то мне нечего на земле делать», — и хочет он броситься с высокого уте-

са; вдруг видит внизу человека на белом коне и слышит громкий голос: «Оглан, что ты хочешь делать?» — «Хочу умереть», — отвечал Ашик. «Слезай же сюда, если так, я тебя убью». Ашик спустился кое-как с утеса. «Ступай за мною», — сказал грозно всадник. «Как я могу за тобою следовать, — отвечал Ашик, — твой конь летит, как ветер, а я отягощен сумою». — «Правда; повесь же суму свою на седло мое и следуй». Отстал Ашик-Кериб, как ни старался бежать. «Что ж ты отстаешь?» — спросил всадник. «Как же я могу следовать за тобою, твой конь быстрее мысли, а я уж измучен». — «Правда, садись же сзади на коня моего и говори всю правду, куда тебе нужно ехать». — «Хоть бы в Арзерум поспеть нонче», — отвечал Ашик. «Закрой же глаза»; он закрыл. «Теперь открой». Смотрит Ашик: перед ним белеют стены и блещут минареты Арзрума. «Виноват, Ага, — сказал Ашик, — я ошибся, я хотел сказать, что мне надо в Карс». — «То-то же, — отвечал всадник, — я предупредил тебя, чтобы ты говорил мне сущую правду; закрой же опять глаза, — теперь открой». Ашик себе не верит — то, что это

Карс. Он упал на колени и сказал: «Виноват, Ага, трижды виноват твой слуга Ашик-Кериб, но ты сам знаешь, что если человек решился лгать с утра, то должен лгать до конца дня; мне по-настоящему надо в Тифлиз». — «Экой ты, неверный, — сказал сердито всадник, — но, нечего делать, прощаю тебе: закрой же глаза. Теперь открой», — прибавил он по прошествии минуты. Ашик вскрикнул от радости: они были у ворот Тифлиза. Принеся искреннюю свою благодарность и взяв свою суму с седла, Ашик-Кериб сказал всаднику: «Ага, конечно, благодеяние твое велико, но сделай еще больше; если я теперь буду рассказывать, что в один день поспел из Арзиньяна в Тифлиз, мне никто не поверит; дай мне какое-нибудь доказательство». — «Наклонись, — сказал тот, улыбнувшись, — и возьми из-под копыта коня комок земли и положи себе за пазуху; и тогда если не станут верить истине слов твоих, то вели к себе привести слепую, которая семь лет уж в этом положении, помажь ей глаза — и она увидит». Ашик взял кусок земли из-под копыта белого коня, но только он поднял голову, всадник и конь ис-

чезли; тогда он убедился в душе, что его покровитель был не кто иной, как Хадерилиаз (св. Георгий).

Только поздно вечером Ашик-Кериб отыскал дом свой; стучит он в двери дрожащею рукою, говоря: «Ана, ана (мать), отвори: я Божий гость, я холоден и голоден; прошу, ради странствующего твоего сына,пусти меня». Слабый голос старухи отвечал ему: «Для ночлега путников есть дома богатых и сильных, есть теперь в городе свадьбы — ступай туда; там можешь провести ночь в удовольствии». — «Ана, — отвечал он, — я здесь никого знакомых не имею и потому повторяю мою просьбу: ради странствующего твоего сынапусти меня». Тогда сестра его говорит матери: «Мать, я встану и отворю ему двери». — «Негодная, — отвечала старуха, — ты рада принимать молодых людей и угощать их, потому что вот уже семь лет, как я от слез потеряла зрение». Но дочь, не внимая ее упрекам, встала, отперла двери ипустила Ашик-Кериба: сказав обычное приветствие, он сел и с тайным волнением стал осматриваться: и видит он — на стене висит в пыльном чехле его

сладкозвучный сааз. И стал он спрашивать у матери: «Что висит у тебя на стене?» — «Любопытный ты гость, — отвечала она, — будет и того, что тебе дадут кусок хлеба и завтра отпустят тебя с Богом». — «Я уж сказал тебе, — возразил он, — что ты моя родная мать, а это сестра моя, и потому прошу объяснить мне, что это висит на стене?» — «Это сааз, сааз», — отвечала старуха сердито, не веря ему. «А что значит сааз?» — «Сааз то значит, что на нем играют и поют песни». И просит Ашик-Кериб, чтоб она позволила сестре снять сааз и показать ему. «Нельзя, — отвечала старуха, — это сааз моего несчастного сына, вот уже семь лет он висит на стене и ничья живая рука до него не дотрогивалась». Но сестра его встала, сняла со стены сааз и отдала ему; тогда он поднял глаза к небу и сотворил такую молитву: «О! всемогущий Аллах! если я должен достигнуть до желаемой цели, то моя семиструнная сааз будет так же стройна, как в тот день, когда я в последний раз играл на ней». И он ударил по медным струнам, и струны согласно заговорили; и он начал петь: «Я бедный Кериб (нищий) — и слова мои бедны; но

великий Хадерилияз помог мне спуститься с крутого утеса, хотя я беден и бедны слова мои. Узнай меня, мать, своего странника». После этого мать его зарыдала и спрашивает его: «Как тебя зовут?» — «Рашид» (храбрый), — отвечал он. «Раз говори, другой раз слушай, Рашид, — сказала она, — своими речами ты изрезал сердце мое в куски. Нынешнюю ночь я во сне видела, что на голове моей волосы побелели, а вот уж семь лет я ослепла от слез; скажи мне ты, который имеешь его голос, когда мой сын придет?» — И дважды со слезами она повторила ему просьбу. Напрасно он называл себя ее сыном, но она не верила, и спустя несколько времени просит он: «Позволь мне, матушка, взять сааз и идти, я слышал, здесь близко есть свадьба: сестра меня проводит; я буду петь и играть, и все, что получу, принесу сюда и разделю с вами». — «Не позволю, — отвечала старуха, — с тех пор, как нет моего сына, его сааз не выходил из дому». Но он стал клясться, что не повредит ни одной струны, — «а если хоть одна струна порвется, — продолжал Ашик, — то отвечаю моим имуществом». Старуха ощупала его сумы

и, узнав, что они наполнены монетами, отпустила его; проводив его до богатого дома, где шумел свадебный пир, сестра осталась у дверей слушать, что будет.

В этом доме жила Магуль-Мегери, и в эту ночь она должна была сделаться женою Куршуд-бека. Куршуд-бек пировал с родными и друзьями, а Магуль-Мегери, сидя за богатою чапрой (занавес) с своими подругами, держала в одной руке чашу с ядом, а в другой острый кинжал: она поклялась умереть прежде, чем опустит голову на ложе Куршуд-бека. И слышит она из-за чапры, что пришел незнакомец, который говорил: «Селям алейкюм: вы здесь веселитесь и пируете, так позвольте мне, бедному страннику, сесть с вами, и за то я спою вам песню». — «Почему же нет, — сказал Куршуд-бек. — Сюда должны быть впускаемы песельники и плясуны, потому что здесь свадьба: спой же что-нибудь, Ашик (певец), и я отпущу тебя с полной горстью золота».

Тогда Куршуд-бек спросил его: «А как тебя зовут, путник?» — «Шинды Гёрурсез (скоро узнаете)». — «Что это за имя, — воскликнул тот со смехом. — Я первый раз такое слы-

шу!» — «Когда мать моя была мною беременна и мучилась родами, то многие соседи приходили к дверям спрашивать, сына или дочь Бог ей дал; им отвечали — шинды-гёрурсез (скоро узнаете). И вот поэтому, когда я родился, мне дали это имя». — После этого он взял сааз и начал петь:

«В городе Халафе я пил мисирское вино, но Бог мне дал крылья, и я прилетел сюда в день».

Брат Куршуд-бека, человек малоумный, выхватил кинжал, воскликнув: «Ты лжешь; как можно из Халафа приехать сюда в день?»

«За что ж ты меня хочешь убить, — сказал Ашик, — певцов обыкновенно со всех четырех сторон собирают в одно место; и я с вас ничего не беру, верьте мне или не верьте».

«Пускай продолжает», — сказал жених, и Ашик-Кериб запел снова:

«Утренний намаз творил я в Арзиньянской долине, полуденный намаз в городе Арзруме; пред захождением солнца творил намаз в городе Карсе, а вечерний намаз в Тифлизе. Аллах дал мне крылья, и я прилетел сюда; дай бог, чтоб я стал жертвою белого коня, он ска-

кал быстро, как плясун по канату, с горы в ущелья, из ущелья на гору: Маулям (создатель) дал Ашику крылья, и он прилетел на свадьбу Магуль-Мегери».

Тогда Магуль-Мегери, узнав его голос, бросила яд в одну сторону, а кинжал в другую. «Так-то ты сдержала свою клятву, — сказали ее подруги, — стало быть, сегодня ночью ты будешь женою Куршуд-бека». — «Вы не узнали, а я узнала милый мне голос», — отвечала Магуль-Мегери; и, взяв ножницы, она прорезала чапру. Когда же посмотрела и точно узнала своего Ашик-Кериба, то вскрикнула, бросилась к нему на шею, и оба упали без чувств. Брат Куршуд-бека бросился на них с кинжалом, намереваясь заколоть обоих, но Куршуд-бек остановил его, примолвив: «Успокойся и знай: что написано у человека на лбу при его рождении, того он не минует».

Придя в чувства, Магуль-Мегери покраснела от стыда, закрыла лицо рукою и спряталась за чапру.

«Теперь точно видно, что ты Ашик-Кериб, — сказал жених, — но поведай, как же ты мог в такое короткое время проехать такое

великое пространство?» — «В доказательство истины, — отвечал Ашик, — сабля моя перерубит камень, если же я лгу, то да будет шея моя тоньше волоска; но лучше всего приведите мне слепую, которая бы семь лет уж не видала свету Божьего, и я возвращу ей зрение». Сестра Ашик-Кериба, стоявшая у двери и услышав такую речь, побежала к матери. «Матушка! — закричала она, — это точно брат и точно твой сын Ашик-Кериб», — и, взяв ее под руку, привела старуху на пир свадебный. Тогда Ашик взял комок земли из-за пазухи, развел его водою и намазал матери глаза, примолвя: «Знайте все люди, как могущ и велик Хадрилиаз», — и мать его прозрела. После этого никто не смел сомневаться в истине слов его, и Куршуд-бек уступил ему безмолвно прекрасную Магуль-Мегери.

Тогда в радости Ашик-Кериб сказал ему: «Послушай, Куршуд-бек, я тебя утешу: сестра моя не хуже твоей прежней невесты, я богат: у ней будет не менее серебра и золота; итак, возьми ее за себя — и будьте так же счастливы, как я с моей дорогою Магуль-Мегери».

Сноски

Покрывало. (Прим. М. Ю. Лермонтова.)

[^^^]

2

Вроде волынки. (Прим. М. Ю. Лермонтова.)

[^^^]

3

Верхняя одежда с откидными рукавами.
(Прим. М. Ю. Лермонтова.)

[^^^]

4

Стремена у грузин вродѣ башмаков из звонко-
го металла. (Прим. М. Ю. Лермонтова.)

[^^^]

5

Шапка, вроде ериванки. (Прим. М. Ю. Лермонтова.)

[^^^]

6

Чингар — род гитары. (Прим. М. Ю. Лермонтова.)

[^^^]

Мцыри — на грузинском языке значит «неслужащий монах», нечто вроде «послушника». (Прим. М. Ю. Лермонтова.)

[^^^]